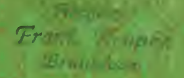

КОНЁКЪ
ГОРБУНОКЪ

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
891.73
Er8
Ok1922

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко
ВЪ БЕРЛИНѢ

П. Ершовъ.

Русская сказка
„Конёкъ-Горбунокъ"
съ иллюстраціями въ
краскахъ воспроизве-
денными по рисункамъ
художника Г. О. Шлихтъ

Издательство
Отто Кирхнеръ и Ко
въ Берлинѣ

Настоящее изданіе напечатано въ количествѣ 3000 экземпляровъ, изъ коихъ 500 экземпляровъ на роскошной бумагѣ.

*

*

Печатано въ типографіи
I. ВИЗИКЕ въ Бранденбургѣ (Гавель).

„Конекъ - Горбунокъ“ справедливо считается лучшей русской сказкой. Необычайное богатство содержанія, въ которомъ реальныя картины народной жизни причудливо переплетаются съ фантазіей, цѣльность всего плана сказки, дивный языкъ, сверкающій перлами народнаго юмора, и легкій стихъ придаютъ „Коньку-Горбунку“ исключительную прелесть.

Основная идея произведенія — торжество слабаго — блестяще проведена черезъ всю сказку. Не хитрые старшіе братья, не злой спальникъ и не своенравный царь пользуются симпатіями народа, — симпатіи эти принадлежатъ слабому младшему брату, обдѣленному умомъ и красотой. За него работаетъ природа, ему служатъ звѣри и рыбы, онъ изъ дурачка становится царемъ. И главнымъ помощникомъ Ивана является тоже слабое и обиженное природой существо — Горбунокъ-Конекъ.

Изображенія русской ярмарки, русскаго начальства и придворной жизни, полныя юмора и мѣстами ласковой сатиры, представляютъ выдающіяся мѣста сказки.

Авторъ ея — Петръ Павловичъ Ершовъ (1815—1869 г.) происходитъ изъ Сибири; онъ окончилъ Петербургскій университетъ и былъ затѣмъ директоромъ гимназіи въ Тобольскѣ. Сказку „Конекъ-

Горбунокъ“ онъ написалъ, еще будучи студентомъ; при этомъ первые четыре стиха набросаны Пушкинымъ, который былъ въ восторгѣ отъ сказки.

Ершовъ жилъ въ ту темную эпоху русской жизни, когда за дерзкія мысли Пушкинъ и Лермонтовъ высылались въ далекія русскія окраины. Сказка „Конекъ-Горбунокъ“ также вызвала къ себѣ вниманіе цензурнаго вѣдомства и въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ допускалась къ печатанію лишь съ пропусками тѣхъ мѣстъ сказки, которыя описывали царя и придворную жизнь.

Совершенно необъяснимымъ остается то обстоятельство, что до сего времени эта дивная сказка въ цѣломъ не вызвала къ себѣ достаточнаго вниманія русскихъ художниковъ.

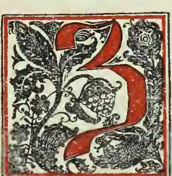
Настоящее изданіе сказки призвано восполнить этотъ пробѣлъ въ русской художественной литературѣ.

ЧАСТЬ I.

Начинаетъ сказка сказываться.

а горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Противъ неба, на землѣ,
Жилъ старикъ въ
одномъ селѣ.
У старинушки три сына:
Старшій умный былъ дѣтина,
Средній сынъ — и такъ и сякъ,
Младшій — вовсе былъ дуракъ.
Братья сѣяли пшеницу,
Да возили въ градъ-столицу —
Знать, столица та была
Недалече отъ села.
Тамъ пшеницу продавали,

Деньги счетомъ принимали
И, съ набитою сумой,
Возвращалися домой.

* * *

Въ долгомъ времени, аль вскорѣ,
Приключилося имъ горе:
Кто-то въ поле сталъ ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродяся не видали;
Стали думать, да гадать,
Какъ бы вора соглядать.
Наконецъ себѣ смекнули,
Чтобъ стоять на караулѣ,
Хлѣбъ ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

* * *

Вотъ, какъ стало лишь смеркаться,
Началъ старшій братъ сбираться;
Вынулъ вилы и топоръ
И отправился въ дозоръ.

— „А столица та была
Недалече отъ села.“

Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страховъ нашъ мужикъ
Завалился на сѣнникъ.
Ночь проходитъ, день приходитъ;
Съ сѣнника дозорный сходитъ;
И, обливъ себя водой,
Сталъ стучаться подъ избой:
„Эй вы, сонныя тетери!
„Отпирайте брату двери.
„Подъ дождемъ я весь промокъ
„Съ головы до самыхъ ногъ“.
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его —
Не видалъ ли онъ чего?
Караульщикъ помолился,
Вправо, влѣво поклонился
И, прокашлявшись, сказалъ:
„Всю я ноченьку не спалъ;
„На мое жъ притомъ несчастье
„Было страшное ненастье:
„Дождь вотъ такъ ливмя и лилъ,

„До костей меня смочилъ,
„Ужъ куда какъ было скучно! . .
„Впрочемъ, все благополучно“.
Похвалилъ его отецъ:
„Ну, Данило, молодецъ!
„Ты, вотъ такъ сказать примѣрно,
„Сослужилъ мнѣ службу вѣрно,
„То есть, будучи при всемъ,
„Не ударилъ въ грязь лицомъ“.

* * *

Стало сызнова смеркаться.
Средній братъ пошелъ сбираться;
Взялъ и вилы и топоръ
И отправился въ дозоръ.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малаго напала,
Зубы начали стучать . . .
Онъ ударился бѣжать
И всю ночь ходилъ дозоромъ
У сосѣдки подъ заборомъ.
Жутко было молодцу!

Но вотъ утро. Онъ къ крыльцу:
„Эй вы, сони, что вы спите!
„Брату двери отоприте;
„Ночью страшный былъ морозъ;
„До костей я весь промерзъ“.
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его —
Не видалъ ли онъ чего?
Караульщикъ помолился,
Вправо, влѣво поклонился
И сквозь зубы отвѣчалъ:
„Всю я ноченьку не спалъ;
„Да, къ моей судьбѣ несчастной,
„Ночью холодъ былъ ужасный;
„До костей меня пробралъ, —
„Всю я ночку продрожалъ;
„Слишкомъ было несподручно . . .
„Впрочемъ, все благополучно“.
И ему сказалъ отецъ:
„Ты, Гаврило, молодецъ!“

* * *

Стало въ третій разъ смеркаться,
Надо младшему сбираться;
Онъ и усомъ не ведетъ,
На печи въ углу поетъ
Изо всей дурацкой мочи:
„Распрекрасныя вы очи!“
Братья ну ему пенять,
Стали въ поле погонять:
Но сколь долго ни кричали,
Только голосъ потеряли;
Онъ ни съ мѣста. Наконецъ,
Подошелъ къ нему отецъ,
Говоритъ ему: „Послушай,
„Ты поди въ дозоръ, Ванюша;
„Я куплю тебѣ обновъ,
„Дамъ гороху и бобовъ“.
Тутъ Иванъ съ печи слѣзаетъ,
Малахай свой надѣваетъ,
Хлѣбъ за пазуху кладетъ,
Караулъ держать идетъ.

* * *

Ночь настала, мѣсяцъ всходитъ;
Поле все Иванъ обходитъ,

Озираючись кругомъ,
И садится подъ кустомъ;
Звѣзды на небѣ считаетъ,
Да краюшку уплетаетъ.
Вдругъ о-полночь конь заржалъ . . .
Караульщикъ нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ подъ рукавицу
И увидѣлъ кобылицу.
Кобылица та была
Вся, какъ зимній снѣгъ, бѣла,
Грива словно золотая,
Въ мелки кольца завитая . . .
„Еге-ге! такъ вотъ какой
„Нашъ воришко! . . . Но постой,
„Я шутить вѣдь не умѣю,
„Разомъ сяду те на шею.
„Вишь, какая саранча!“
И, минуту улуча,
Къ кобылицѣ подбѣгаетъ,
За волнистый хвостъ хватаетъ
И прыгнулъ къ ней на хребетъ . . .
Только задомъ напередъ!
Кобылица молодая,

Очьми бѣшено сверкая,
Змѣемъ голову свила
И пустилась, какъ стрѣла;
Вьется кругомъ надъ полями,
Виснетъ пластью надо рвами;
Мчится скокомъ по горамъ,
Ходитъ дыбомъ по лѣсамъ;
Хочетъ силой иль обманомъ,
Лишь бы справиться съ Иваномъ;
Но Иванъ и самъ не простъ:
Крѣпко держится за хвостъ.

* * *

Наконецъ, она устала.
„Ну, Иванъ, (ему сказала),
„Коль умѣлъ ты усидѣть,
„Такъ тебѣ мной и владѣть.
„Дай мнѣ мѣсто для покою,
„Да ухаживай за мною,
„Сколько смыслишь. Да смотри:
„По три утренни зари
„Выпускай меня на волю
„Погулять по чисту полю;
„По исходѣ же трехъ дней

„Двухъ рожу тебѣ коней,
„Да такихъ, какихъ понынѣ
„Не бывало и въ поминѣ;
„Да еще рожу Конька,
„Ростомъ только въ три вершка,
„На спинѣ съ двумя горбами,
„Да съ аршинными ушами.
„Двухъ коней, коль хошь, продай,
„Но Конька не отдавай
„Ни за поясъ, ни за шапку,
„Ни за черную, слышь, бабку.
„На землѣ и подъ землей
„Онъ товарищъ будетъ твой;
„Онъ зимой тебя согрѣетъ,
„Лѣтомъ холодомъ обвѣетъ,
„Въ голодъ хлѣбомъ угоститъ,
„Въ жажду медомъ напоитъ.
„Я же снова выйду въ поле
„Силы пробовать на волѣ.“

* * *

„Ладно!“ думаетъ Иванъ,
И въ пастушій балаганъ
Кобылицу загоняетъ,

Дверь рогожей закрываетъ
И, лишь только разсвѣло,
Отправляется въ село,
Напѣвая громко пѣсню:
„Ходилъ молодецъ на Прѣсню“.
Вотъ онъ всходитъ на крыльцо,
Вотъ хватаетъ за кольцо,
Что есть силы въ дверь стучится,
Такъ что кровля шевелится,
И кричитъ на весь базаръ,
Словно сдѣлался пожаръ.
Братья съ лавокъ повскакали,
Заикаяся, вскричали:
„Кто стучится сильно такъ?“
— „Это я, Иванъ-дуракъ!“
Братья двери отворили,
Дурака въ избу пустили
И давай его ругать,
Какъ онъ смѣлъ ихъ такъ пугать!
А Иванъ нашъ, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведетъ оттуда рѣчь

„Кобылица та была
Вся, какъ зимній снѣгъ, бѣла.“

Про ночное похожденье,
Всѣмъ ушамъ на удивленье:
„Всю я ноченьку не спалъ,
„Звѣзды на небѣ считалъ;
„Мѣсяцъ ровно тоже свѣтилъ —
„Я порядкомъ не примѣтилъ.
„Вдругъ приходитъ дьяволъ самъ,
„Съ бородою и съ усамъ;
„Рожа, словно какъ у кошки; —
„А глаза-то что те плошки!
„Вотъ и сталъ тотъ чортъ скакать
„И зерно хвостомъ сбивать;
„Я шутить вѣдь не умѣю,
„И вскочи ему на шею.
„Ужъ таскалъ же онъ, таскалъ,
„Чуть башки мнѣ не сломалъ!
„Но и я вѣдь самъ не промахъ:
„Все держалъ его, какъ въ жомахъ.
„Бился, бился мой хитрецъ
„И взмолился наконецъ:
— „Не губи меня со свѣта!
„Цѣлый годъ тебѣ за это
„Обѣщаюсь смирно жить,

„Православныхъ не мутить“. —
„Я, слышь, словъ-то не помѣрилъ,
„Да чертенку и повѣрилъ“.
Здѣсь разсказчикъ замолчалъ,
Позѣвнулъ и задремалъ.
Братья сколько ни серчали,
Не могли, — захохотали,
Ухватившись подъ бока,
Надъ разсказомъ дурака;
Самъ старикъ не могъ сдержаться,
Чтобъ до слезъ не посмѣяться.
Хоть смѣяться такъ оно
Старикамъ ужъ и грѣшно.

* * *

Много ль времени, аль мало
Съ этой ночи пробѣжало, —
Я про это ничего
Не слыхалъ ни отъ кого.
Да и что же намъ за дѣло,
Годъ ли, два ли пролетѣло? . .
Вѣдь за ними не бѣжать! —
Станемъ сказку продолжать.

* * *

Ну-съ, такъ вотъ что: разъ Данило
(Въ праздникъ, помнится, то было),
Натянувшись зѣльно пьянъ,
Затащился въ балаганъ.
Что жъ онъ видитъ? — Прекрасивыхъ
Двухъ коней золотогривыхъ,
Да игрушечку-Конька,
Ростомъ только въ три вершка,
На спинѣ съ двумя горбами,
Да съ аршинными ушами.
„Хм! теперь-то я узналъ,
„Для чего здѣсь дурень спалъ“,
Говоритъ себѣ Данило . . .
Чудо разомъ хмель посбило.
Вотъ Данило въ домъ бѣжитъ
И Гаврилѣ говоритъ:
„Посмотри, какихъ красивыхъ
„Двухъ коней золотогривыхъ
„Нашъ дуракъ себѣ досталъ!
„Ты и слыхомъ не слыхалъ“.
И Данило да Гаврило,
Что въ ногахъ ихъ мочи было,
По крапивѣ, прямикомъ,

Такъ и дуютъ босикомъ.
Спотыкнувшися три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здѣсь и тамъ,
Входятъ братья къ двумъ конямъ.
Кони ржали и храпѣли,
Очи яхонтомъ горѣли,
Въ мелки кольца завитой,
Хвостъ струился золотой,
И алмазныя копыты
Крупнымъ жемчугомъ обиты . . .
Любо-дорого смотрѣть!
Лишь царю бъ на нихъ сидѣть.
Братья такъ на нихъ смотрѣли,
Что чуть-чуть не окривѣли.
„Гдѣ онъ это ихъ досталъ?
(Старшій среднему сказалъ)
„Но давно ужъ рѣчь ведется,
„Что лишь дурнямъ кладъ дается,
„Ты жъ, хоть лобъ себѣ разбей,
„Такъ не выбьешь двухъ рублей.
„Ну, Гаврило, въ ту седмицу
„Отведемъ-ка ихъ въ столицу:

„Тамъ боярамъ продадимъ;
„Деньги ровно подѣлимъ;
„А съ деньжонками, самъ знаешь,
„И попьешь, и погуляешь,
„Только хлопни по мѣшку.
„А благому дураку
„Недостанетъ вѣдь догадки,
„Гдѣ гостятъ его лошадки.
„Пусть ихъ ищетъ тамъ и сямъ . . .
„Ну, пріятель, по рукамъ!“
Братья разомъ согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулися домой,
Говоря между собой
Про коней и про пирушку,
И про чудную звѣрушку.

* * *

Время катитъ чередомъ,
Часъ за часомъ, день за днемъ,
И на первую седмицу
Братья ѣдутъ въ градъ-столицу,
Чтобъ товаръ тамъ свой продать

И на пристани узнать,
Не пришли ли съ кораблями
Нѣмцы въ городъ за холстами,
И нейдетъ ли царь Салтанъ
Басурманить христіанъ?
Вотъ иконамъ помолились,
У отца благословились,
Взяли двухъ коней тайкомъ
И отправились тишкомъ.

* * *

Вечеръ къ ночи пробирался,
На ночлегъ Иванъ собрался;
Вдоль по улицѣ идетъ,
Ѣстъ краюшку да поетъ.
Вотъ онъ поля достигаетъ,
Руки въ боки подпираетъ
И съ прискочкой, словно панъ,
Бокомъ входитъ въ балаганъ.

* * *

Все попрежнему стояло,
Но коней какъ не бывало;

Лишь игрушка-Горбунокъ
У его вертѣлся ногъ,
Хлопалъ съ радости ушами,
Да приплясывалъ ногами.
Какъ завоетъ тутъ Иванъ,
Опершись о балаганъ:
„Ой вы, кони, буры-сивы,
„Добры кони златогривы!
„Я ль васъ, други, не ласкалъ! . .
„Да какой васъ чортъ укралъ?
„Чтобъ пропасть ему, собакѣ!
„Чтобъ издохнуть въ буеракѣ!
„Чтобъ ему на томъ свѣту
„Провалиться на мосту! . .
„Ой вы, кони, буры-сивы,
„Добры кони златогривы!“

* * *

Тутъ Конекъ ему заржалъ:
„Не тужи, Иванъ“, сказалъ,
„Велика бѣда — не спорю;
„Но могу помочь я горю.
„Ты на чорта не клепли:

„Братья кониковъ свели.
„Ну, да что болтать пустое!
„Будь, Иванушка, въ покоѣ,
„На меня скорѣй садись,
„Только, знай себѣ, держись!
„Я хоть роста небольшого,
„Да смѣню коня другого;
„Какъ пущусь да побѣгу,
„Такъ и бѣса настигу".
Вотъ Конекъ предъ нимъ ложится,
На Конька Иванъ садится,
Уши въ-загреби беретъ,
Что есть мочушки реветъ.
Горбунокъ-Конекъ встряхнулся,
Всталъ на ноги, встрепенулся,
Вскинулъ гривкой, захрапѣлъ
И стрѣлою полетѣлъ.
Только пыльными клубами
Вихорь вился подъ ногами,
И въ два мига, коль не въ мигъ,
Нашъ Иванъ воровъ настигъ.

* * *

Братья, видимо, смѣшались,
Не на шутку испугались;
А Иванъ имъ сталъ кричать:
„Стыдно, братья, воровать!
„Хоть Ивана вы умнѣе,
„Да Иванъ-то васъ честнѣе:
„Онъ у васъ коней не кралъ.“
Старшій братъ тогда сказалъ:
„Дорогой ты нашъ Иваша!
„Что переться — дѣло наше;
„Но возьми же ты въ расчетъ
„Некорыстный нашъ животъ:
„Сколь пшеницы мы ни сѣемъ,
„Чуть насущный хлѣбъ имѣемъ;
„А коли неурожай,
„Такъ хоть въ петлю полѣзай.
„Вотъ въ такой большой печали
„Мы съ Гаврилой толковали
„Всю намеднишнюю ночь —
„Чѣмъ бы горюшку помочь?
„Такъ и этакъ мы судили,
„Наконецъ, вотъ такъ рѣшили:
„Чтобъ продать твоихъ коньковъ

„Хоть за тысячу рублевъ;
„А въ спасибо, молвить къ слову,
„Привезти тебѣ обнову —
„Красну шапку съ позвонкомъ,
„Да сапожки съ каблучкомъ.
„Да къ тому жъ, старикъ неможетъ,
„Работать уже не сможетъ, —
„А вѣдь надо жъ мыкать вѣкъ . . .
„Самъ ты умный человѣкъ!“
— „Ну, коль этакъ, такъ ступайте“,
Говоритъ Иванъ, „продайте
„Златогривыхъ два коня . . .
„Да возьмите жъ и меня!“
Братья больно покосились,
Да — нельзя же! — согласились.

* * *

Стало на небѣ темнѣть:
Воздухъ началъ холодѣть,
Вотъ, чтобъ имъ не заблудиться,
Рѣшено остановиться.
Подъ навѣсами вѣтвей
Привязали всѣхъ коней,

Принесли съ съѣстнымъ лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что Боже дастъ,
Кто во что изъ нихъ гораздъ.

* * *

Вотъ Данило вдругъ примѣтилъ,
Что огонь вдали засвѣтилъ;
На Гаврилу онъ взглянулъ,
Лѣвымъ глазомъ подмигнулъ
И прикашлянулъ легонько,
Указавъ огонь тихонько.
Тотъ въ затылкѣ почесалъ,
„Эхъ, какъ темно!“ онъ сказалъ,
„Хоть бы мѣсяцъ, этакъ въ шутку,
„Къ намъ проглянулъ на минутку,
„Все бы легче. А теперь! . .
„Право, хуже мы тетерь! . .
„Да постой-ка . . . мнѣ сдается,
„Что дымокъ тамъ свѣтлый вьется . . .
„Видишь, эвонъ! . . Такъ и есть! . .
„Вотъ бы курево развесть.
„Чудо было бъ! . . Эй, послушай,

„Побѣгай-ка, братъ Ванюша!
„Коль признаться, у меня —
„Ни огнива, ни кремня“.
Самъ же думаетъ Данило;
„Чтобъ тебя тамъ задавило!“
А Гаврило говоритъ:
„Кто тамъ знаетъ, что горитъ.
„Коль станичники пристали,
„Поминай его, какъ звали!“

* * *

Все пустякъ для дурака!
Онъ садится на Конька,
Бьетъ въ круты бока ногами,
Теребитъ его руками,
Изо всѣхъ горланитъ силъ . . .
Конь взвился и — слѣдъ простылъ.
„Буди съ нами крестна сила!
(Закричалъ тогда Гаврило,
Оградясь крестомъ святымъ.)
„Что за бѣсъ такой подъ нимъ!“

* * *

Огонекъ горитъ свѣтлѣе,
Горбунокъ бѣжитъ скорѣе,
Вотъ ужъ онъ передъ огнемъ, —
Свѣтитъ поле, словно днемъ:
Чудный свѣтъ кругомъ струится,
Но не грѣетъ, не дымится.
Диву дался тутъ Иванъ.
„Что", сказалъ онъ, „за шайтанъ!
„Шапокъ сь пять найдется свѣту,
„А тепла и дыму нѣту;
„Эко чудо-огонекъ!"
Говоритъ ему Конекъ:
„Вотъ нашелъ чему дивиться!
„Тутъ лежитъ перо Жаръ-птицы,
„Но, для счастья своего,
„Не бери себѣ его:
„Много, много непокою
„Принесетъ оно съ собою".
— „Говори ты! какъ не такъ!" —
Про себя ворчитъ дуракъ.
И, поднявъ перо Жаръ-птицы,
Завернулъ его въ тряпицы,
Тряпку въ шапку положилъ

И Конька поворотилъ.
Вотъ онъ къ братьямъ прiѣзжаетъ
И на спросъ ихъ отвѣчаетъ:
„Какъ туда я доскакалъ,
„Пень горѣлый увидалъ;
„Ужъ надъ нимъ я бился-бился,
„Такъ что чуть не надсадился;
„Раздувалъ его я съ часъ,
„Нѣтъ, вѣдь, чортъ возьми, угасъ!"
Братья цѣлу ночь не спали,
Надъ Иваномъ хохотали,
А Иванъ подъ возъ присѣлъ,
Вплоть до утра прохрапѣлъ.

* * *

Тутъ коней они впрягали
И въ столицу прiѣзжали,
Становились въ конный рядъ
Супротивъ большихъ палатъ.

* * *

Въ той столицѣ былъ обычай:
Коль не скажетъ городничій —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вотъ обѣдня наступаетъ,
Городничій выѣзжаетъ
Въ туфляхъ, въ шапкѣ мѣховой,
Съ сотней стражи городской.
Рядомъ ѣдетъ съ нимъ глашатай,
Длинноусый, бородатый;
Онъ въ злату трубу трубитъ,
Громкимъ голосомъ кричитъ:
„Гости! лавки отпирайте,
„Покупайте, продавайте;
„А надсмотрщикамъ сидѣть
„Подлѣ лавокъ и смотрѣть,
„Чтобы не было содому,
„Ни давежа, ни погрому,
„Чтобъ какой-нибудь уродъ
„Не обманывалъ народъ!“
Гости лавки отпираютъ,
Людъ крещеный закликаютъ:
„Эй, честные господа,

„Къ намъ пожалуйте сюда!
„Какъ у насъ ли тары-бары,
„Всяки разные товары!“
Покупальщики идутъ,
У гостей товаръ берутъ;
Гости денежки считаютъ,
Да надсмотрщикамъ мигаютъ.

* * *

Между тѣмъ градской отрядъ
Пріѣзжаетъ въ конный рядъ;
Смотритъ — давка отъ народу,
Нѣтъ ни выходу, ни входу:
Такъ кишмя, вотъ, и кишатъ,
И смѣются, и кричатъ;
Городничій удивился,
Что народъ развеселился,
И приказъ отряду далъ,
Чтобъ дорогу прочищалъ.
„Эй вы, черти босоноги,
„Прочь съ дороги! Прочь съ дороги!“

— „*Вдругъ приходитъ дьяволъ самъ,*
Съ бородою и съ усамъ.“

Закричали усачи
И ударили въ бичи.
Тутъ народъ зашевелился,
Шапки снялъ и разступился.

* * *

Предъ глазами конный рядъ:
Два коня въ ряду стоятъ,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотыя;
Въ мелки кольца завитой,
Хвостъ струится золотой! . .
Нашъ старикъ, сколь ни былъ пылокъ,
Долго теръ себѣ затылокъ.
„Чуденъ, молвилъ, Божій свѣтъ,
„Ужъ какихъ чудесъ въ немъ нѣтъ!“
Весь отрядъ тутъ поклонился,
Мудрой рѣчи подивился;
Городничій, между тѣмъ,
Наказалъ престрого всѣмъ,
Чтобъ коней не покупали,

Не зѣвали, не кричали,
Что онъ ѣдетъ ко двору
Доложить о всемъ царю.
И, оставивъ часть отряда,
Онъ поѣхалъ для доклада.

* * *

Пріѣзжаетъ во дворецъ.
„Ты помилуй, царь-отецъ!"
Городничій восклицаетъ
И всѣмъ тѣломъ упадаетъ:
„Не вели меня казнить,
„Прикажи мнѣ говорить!"
Царь изволилъ молвить: „Ладно,
„Говори, да только складно."
— „Какъ умѣю, разскажу:
„Городничимъ я служу;
„Вѣрой-правдой исправляю
„Эту должность"...—„Знаю, знаю!"
— „Вотъ сегодня, взявъ отрядъ,
„Я поѣхалъ въ конный рядъ,

„Пріѣзжаю — тьма народа!
„Ну, ни выхода, ни входа,
„Что тутъ дѣлать? . . Приказалъ
„Гнать народъ, чтобъ не мѣшалъ.
;„Такъ и сталось, царь-надежа,
„Дальше двинулся — и что же? . .
„Предо мною конный рядъ:
„Два коня въ ряду стоятъ,
„Молодые, вороные,
„Вьются гривы золотыя;
„Въ мелки кольца завитой,
„Хвостъ струится золотой,
„И алмазныя копыты
„Крупнымъ жемчугомъ обиты."

* * *

Царь не могъ тутъ усидѣть.
„Надо коней поглядѣть,"
Говоритъ онъ: „Да не худо бъ
„И завесть такое чудо!
„Гей, повозку мнѣ!" — И вотъ

3*

Ужъ повозка у воротъ;
Царь умылся, нарядился
И на рынокъ покатился.
За царемъ стрѣльцовъ отрядъ.

* * *

Вотъ онъ въѣхалъ въ конный рядъ.
На колѣни всѣ тутъ пали
И „ура“ царю кричали.
Царь раскланялся, и вмигъ
Молодцомъ съ повозки прыгъ . . .
Глазъ своихъ съ коней не сводитъ,
Справа, слѣва къ нимъ заходитъ,
Словомъ ласковымъ зоветъ,
По спинѣ ихъ тихо бьетъ,
Треплетъ шею ихъ крутую,
И, довольно насмотрясь,
Онъ спросилъ, оборотясь
Къ окружавшимъ: „Эй, ребята!
„Чьи такіе жеребята?
„Кто хозяинъ?“ Тутъ Иванъ,
Руки въ боки, словно панъ,

Изъ-за братьевъ выступаетъ
И, надувшись, отвѣчаетъ:
„Эта пара, царь, моя,
„И хозяинъ — тоже я“.
— „Ну, я пару покупаю:
„Продаешь ты?“ — „Нѣтъ, мѣняю“.
— „Что въ промѣнъ берешь добра?“
— „Два-пять шапокъ серебра“.
— „То есть, это будетъ десять?“
Царь тотчасъ велѣлъ отвѣсить,
И, по милости своей,
Далъ въ прибавокъ пять рублей . . .
Царь-то былъ великодушный!

* * *

Повели коней въ конюшни
Десять конюховъ сѣдыхъ,
Всѣ въ нашивкахъ золотыхъ,
Всѣ съ цвѣтными кушаками
И съ сафьянными бичами.
Но дорогой, какъ на смѣхъ,

Кони съ ногъ ихъ сбили всѣхъ,
Всѣ уздечки разорвали
И къ Ивану прибѣжали.

* * *

Царь отправился назадъ.
Говоритъ ему: „Ну, братъ,
„Пара нашимъ не дается;
„Дѣлать нечего, придется
„Во дворцѣ тебѣ служить:
„Будешь въ золотѣ ходить,
„Въ красно платье наряжаться,
„Словно въ маслѣ сыръ кататься,
„И конюшню всю мою
„Я въ приказъ тебѣ даю.
„Царско слово въ томъ порука.
„Что, согласенъ?“ — „Эка штука?
„Во дворцѣ я буду жить,
„Буду въ золотѣ ходить,
„Въ красно платье наряжаться,
„Словно въ маслѣ сыръ кататься,
„Весь конюшенный заводъ

„Царь въ приказъ мнѣ отдаетъ,
„То есть, я изъ огорода
„Стану царскій воевода.
„Чудно дѣло! Такъ и быть,
„Стану, царь, тебѣ служить.
„Только, чуръ, со мной не драться
„И давать мнѣ высыпаться, —
„А не то я былъ таковъ!“

* * *

Тутъ онъ кликнулъ скакуновъ
И пошелъ вдоль по столицѣ,
Самъ махая рукавицей.
И подъ пѣсню дурака
Кони пляшутъ трепака;
А Конекъ его, Горбатко,
Такъ и ломится въ присядку,
Къ удивленью людямъ всѣмъ.

* * *

Два же брата, между тѣмъ,
Деньги царски получили,
Въ пояски ихъ позашили,
Постучали ендовой
И отправились домой.
Дома дружно подѣлились;
Оба въ разъ они женились,
Стали жить да поживать,
Да Ивана поминать.

* * *

Но теперь мы ихъ оставимъ,
Снова сказкой позабавимъ
Православныхъ христіанъ,
Что надѣлалъ нашъ Иванъ,
Находясь во службѣ царской,
При конюшнѣ государской:
Какъ въ сусѣдки онъ попалъ,
Какъ перо свое проспалъ,
Какъ хитро поймалъ Жаръ-птицу,
Какъ похитилъ Царь-дѣвицу,
Какъ онъ ѣздилъ за кольцомъ,

Какъ былъ на небѣ посломъ,
Какъ онъ въ солнцевомъ селеньи
Киту выпросилъ прощенье;
Какъ, къ числу другихъ затѣй,
Спасъ онъ тридцать кораблей;
Какъ въ котлахъ онъ не сварился,
Какъ красавцемъ учинился . . .
Словомъ: наша рѣчь о томъ,
Какъ онъ сдѣлался царемъ.

ЧАСТЬ II.

ачинается разсказъ
От Ивановыхъ проказъ
И отъ сивка, и отъ бурка,
И отъ вѣщаго коурка:
Козы на море ушли,
Горы лѣсомъ поросли,
Конь съ златой узды сорвался,
Прямо къ солнцу поднимался;
Лѣсъ стоячій подъ ногой,
Сбоку облакъ громовой,
Ходитъ облакъ и сверкаетъ,

Громъ по небу разсыпаетъ . . .
Это присказка. Пожди,
Сказка будетъ впереди.
Какъ на морѣ-океанѣ
И на островѣ Буянѣ
Новый гробъ въ лѣсу стоитъ,
Въ гробѣ дѣвица лежитъ;
Соловей надъ гробомъ свищетъ,
Черный звѣрь въ дубравѣ рыщетъ . . .
Это присказка, а вотъ —
Сказка чередомъ пойдетъ.

* * *

Ну, такъ видите ль, міряне,
Православны христіане:
Нашъ удалый молодецъ
Затесался во дворецъ,
При конюшнѣ царской служитъ
И нисколько не потужитъ
Онъ о братьяхъ, объ отцѣ
Въ государевомъ дворцѣ.
Да и что ему до братьевъ?
У Ивана красныхъ платьевъ,

Красныхъ шапокъ, сапоговъ
Чуть не десять коробовъ;
Ѣстъ онъ сладко, спитъ онъ столько,
Что раздолье, да и только!

* * *

Вотъ недѣлей черезъ пять
Началъ спальникъ примѣчать . . .
Надо молвить, этотъ спальникъ
До Ивана былъ начальникъ
Надъ конюшней надо всей —
Изъ боярскихъ слылъ дѣтей;
Такъ не диво, что онъ злился
На Ивана и божился,
Хоть пропасть, а пришлеца
Вонъ потуритъ изъ дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Онъ, для всякаго случая,
Притворился, плутъ, глухимъ,
Близорукимъ и нѣмымъ;
Самъ же думаетъ: „Постой-ка:
„Я те двину, неумойка!“

* * *

Такъ, недѣлей черезъ пять,
Спальникъ началъ примѣчать,
Что Иванъ коней не ходитъ,
И не чиститъ, и не школитъ,
Но при всемъ томъ два коня
Словно лишь изъ-подъ гребня:
Чисто-начисто обмыты,
Гривы въ косы перевиты,
Чолки собраны въ пучокъ,
Шерсть — ну лоснится какъ шелкъ!
Въ стойлахъ — свѣжая пшеница,
Словно тутъ же и родится,
И въ чанахъ большихъ сыта
Будто только налита.
„Что за притча тутъ такая?“
Спальникъ думаетъ, вздыхая:
„Ужъ не ходитъ ли, постой,
„Къ намъ проказникъ-домовой?
„Дай-ка я подкараулю,
„А не то, такъ я и пулю,
„Не смигнувъ, умѣю слить,
„Лишь бы дурня уходить;
„Донесу я въ думѣ царской,

„Что конюшій государскій
„Бусурманинъ, ворожей,
„Чернокнижникъ и злодѣй;
„Что онъ съ бѣсомъ хлѣбъ-соль водитъ,
„Въ церковь Божію не ходитъ,
„Иновѣрныйноситъ крестъ
„И постами мясо ѣстъ.“

* * *

Въ тотъ же вечеръ этотъ спальникъ,
Прежнхъ конюшихъ начальникъ,
Въ стойло спрятался тайкомъ,
И обсыпался овсомъ.

* * *

Вотъ и полночь наступила,
У него въ груди заныло:
Онъ ни живъ, ни мертвъ лежитъ,
Самъ молитвы все творитъ,
Ждетъ сусѣдка! .. Чу! въ самъ дѣлѣ,
Двери тихо заскрипѣли,

Кони топнули, и вотъ
Входитъ новый коноводъ,
Дверь задвижкой запираетъ,
Шапку бережно скидаетъ,
На окно ее кладетъ,
А изъ шапки той беретъ
Въ три завернутый тряпицы
Царскій кладъ — перо Жаръ-птицы.
Свѣтъ такой тутъ заблисталъ,
Что чуть спальникъ не вскричалъ
И отъ страху такъ забился,
Что овесъ съ него свалился.
Но сусѣдку не въ домекъ!
Онъ кладетъ его въ сусѣкъ;
Чиститъ коней начинаетъ,
Умываетъ, убираетъ,
Гривы длинныя плететъ,
Разны пѣсенки поетъ.
А межъ тѣмъ, свернувшись клубомъ,
Поколачивая зубомъ,
Смотритъ спальникъ, чуть живой,
Что тутъ дѣетъ домовой.
Что за бѣсъ! нешто нарочно

— *„Яркимъ пламенемъ сверкая,*
Встрепенулася вся стая.“

Прирядился плутъ полночный:
Нѣтъ роговъ, ни бороды,
Ражій парень хоть куды!
Волосъ гладкій, съ боку ленты,
На рубашкѣ позументы,
Сапоги, какъ алъ сафьянъ,
Ну, точнехонько Иванъ.
Что за диво? смотритъ снова
Нашъ глазѣй на домового . . .
„Э! такъ вотъ что!“ наконецъ,
Проворчалъ себѣ хитрецъ:
„Ладно, завтра жъ царь узнаетъ,
„Что твой глупый умъ скрываетъ;
„Подожди лишь только дня,
„Будешь помнить ты меня!“
А Иванъ, совсѣмъ не зная,
Что ему бѣда такая
Угрожаетъ, все плететъ
Гривы въ косы, да поетъ!
А убравъ ихъ, въ оба чана
Нацѣдилъ сыты медвяной
И насыпалъ до полна
Бѣлояраго пшена.

Тутъ зѣвнувъ, перо Жаръ-птицы
Завернулъ опять въ тряпицы,
Шапку подъ ухо — и легъ
У коней близъ заднихъ ногъ.

* * *

Только стало лишь зориться,
Спальникъ началъ шевелиться
И, услыша, что Иванъ
Такъ храпитъ, какъ Еруслан,
Онъ тихохонько слѣзаетъ
И къ Ивану подползаетъ,
Пальцы въ шапку запустилъ,
Хвать перо — и слѣдъ простылъ.

* * *

Царь лишь только пробудился,
Спальникъ нашъ къ нему явился,
Стукнулъ крѣпко о полъ лбомъ
И запѣлъ царю потомъ:
„Я съ повинной головою,
„Царь, явился предъ тобою,
„Не вели меня казнить,

„Прикажи мнѣ говорить“.
— „Говори, не прибавляя“,
Царь сказалъ ему, зѣвая,
„Если жъ ты да будешь врать,
„То кнута не миновать“.
Спальникъ нашъ, собравшись съ силой,
Говоритъ царю: „Помилуй!
„Вотъ-те истинный Христосъ,
„Справедливъ мой, царь, доносъ:
„Нашъ Иванъ, то всякій знаетъ,
„Отъ тебя, отецъ, скрываетъ,
„Но не злато, не сребро, —
„Жаро-птицево перо“. . .
— „Жаро-птицево?. . Проклятый!
„И онъ смѣлъ — такой богатый . . .
„Погоди же ты, злодѣй!
„Не минуешь ты плетей! . .“
— „Да и то ль еще онъ знаетъ!“
Спальникъ тихо продолжаетъ,
Изогнувшися: „Добро!
„Пусть имѣлъ бы онъ перо;
„Да и самую Жаръ-птицу,
„Во твою, отецъ, свѣтлицу,

4*

„Коль приказъ изволишь дать,
„Похваляется достать“.
И доносчикъ съ этимъ словомъ,
Скрючась обручемъ таловымъ,
Ко кровати подошелъ,
Подалъ кладъ и — снова въ полъ.

* * *

Царь смотрѣлъ и дивовался,
Гладилъ бороду, смѣялся
И скусилъ пера конецъ.
Тутъ, уклавъ его въ ларецъ,
Закричалъ (отъ нетерпѣнья),
Подтвердивъ свое велѣнье
Быстрымъ взмахомъ кулака:
„Гей! позвать мнѣ дурака!“

* * *

И посыльные дворяна
Побѣжали по Ивана;
Но, столкнувшись всѣ въ углу,
Растянулись на полу.
Царь тѣмъ много любовался
И до колотья смѣялся.

А дворяна, усмотря,
Что смѣшно то для царя,
Межъ собой перемигнулись,
И въ другорядь растянулись,
Царь тѣмъ такъ доволенъ былъ,
Что ихъ шапкой наградилъ.
Тутъ посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана;
Но уже на этотъ разъ
Обошлися безъ проказъ.

* * *

Вотъ къ конюшнѣ прибѣгаютъ,
Двери настежь отворяютъ
И ногами дурака
Ну толкать во всѣ бока.
Съ полчаса надъ нимъ возились,
Но его не добудились.
Наконецъ, ужъ рядовой
Разбудилъ его метлой.

* * *

„Что за челядь тутъ такая?“
Говоритъ Иванъ, вставая:

„Какъ хвачу я васъ бичомъ,
„Такъ не станете потомъ
„Безъ пути будить Ивана“.
Говорятъ ему дворяна:
„Царь изволилъ приказать
„Намъ тебя къ нему позвать“.
— Царь?.. Ну ладно! Вотъ сряжуся
„И тотчасъ къ нему явлюся“,
Говоритъ посламъ Иванъ.
Тутъ надѣлъ онъ свой кафтанъ,
Опояскомъ подвязался,
Пріумылся, причесался,
Кнутъ свой съ боку прицѣпилъ,
Словно утица поплылъ.

* * *

Вотъ Иванъ къ царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнулъ дважды и спросилъ:
„А пошто меня будилъ?“
Царь, прищурясь глазомъ лѣвымъ,
Закричалъ ему со гнѣвомъ,
Приподнявшися: „Молчать!

„Ты мнѣ долженъ отвѣчать:
„Въ силу коего указа
„Скрылъ отъ нашего ты глаза
„Наше царское добро —
„Жаро-птицево перо?
„Что я — царь, али бояринъ,
„Отвѣчай сейчасъ, татаринъ!“
А Иванъ, махнувъ рукой,
Говоритъ царю: „Постой!
„Я те шапки ровно не далъ,
„Какъ же ты о томъ провѣдалъ?
„Развѣ ты какой пророкъ?
„Ну да что, сади въ острогъ,
„Прикажи сейчасъ хоть въ палки —
„Нѣтъ пера, да и шабалки!“
— „Отвѣчай же! запорю!“
„Я-те толкомъ говорю:
„Нѣтъ пера! Да, слышь, откуда
„Мнѣ достать такое чудо?“
Царь съ кровати соскочилъ
И ларецъ съ перомъ открылъ.
„Что? Ты смѣлъ еще переться!
„Да ужъ нѣтъ, не отвертѣться!

„Это что? А?“ — Тутъ Иванъ,
Задрожавъ, какъ листъ въ буранъ,
Шапку выронилъ съ испуга.
„Что, пріятель, видно туго?“
Молвилъ царь: „Постой-ка, братъ!..
— „Охъ, помилуй, виноватъ!
„Отпусти вину Ивану,
„Я впередъ ужъ врать не стану“,
И, закутавшись въ полу,
Растянулся на полу.
— „Ну, для перваго случаю,
„Я вину тебѣ прощаю“.
Царь Ивану говоритъ:
„Я, помилуй Богъ, сердитъ!
„И съ сердцовъ иной порою
„Чубъ сниму и съ головою;
„Такъ, вотъ видишъ, я каковъ!
„Но — сказать безъ дальнихъ словъ —
„Я узналъ, что ты Жаръ-птицу
„Въ нашу царскую свѣтлицу
„Похваляешься достать.
„Ну, смотри жъ, не отпирайся
„И достать ее старайся“.

Тутъ Иванъ волчкомъ вскочилъ.
„Я того не говорилъ!“
Отвѣчалъ онъ, озираясь,
„О перѣ не запираюсь,
„Но о птицѣ, какъ ты хошь,
„Ты напраслину ведешь“.
Царь, затрясши бородою,
„Что?.. рядиться мнѣ съ тобою?“
Закричалъ вослѣдъ: „Смотри,
„Если ты недѣли въ три
„Не достанешь мнѣ Жаръ-птицу
„Въ нашу царскую свѣтлицу,
„То — клянуся бородой —
„Ты расплатишься со мной:
„На правежъ ... въ рѣщетку ... на колъ!..
„Вонъ, холопъ!“ Иванъ заплакалъ
И пошелъ на сѣновалъ,
Гдѣ Конекъ его лежалъ.

* * *

Горбунокъ, его почуя,
Дрягнулъ-было плясовую;
Но, какъ слезу увидалъ,

Самъ чуть-чуть не зарыдалъ.
„Что, Иванушка, невеселъ?
„Что головушку повѣсилъ?“
Говорилъ ему Конекъ,
У его вертяся ногъ.
„Не утайся предо мною,
„Все скажи, что за душою.
„Я помочь тебѣ готовъ.
„Аль, мой милый, нездоровъ?
„Аль попался къ лиходѣю?“
Палъ Иванъ Коньку на шею,
Обнималъ и цѣловалъ.
„Охъ, бѣда, Конекъ!“ сказалъ:
„Царь велитъ достать Жаръ-птицу
„Въ государскую свѣтлицу.
„Что мнѣ дѣлать, Горбунокъ?“
Говоритъ ему Конекъ:
„Велика бѣда, не спорю,
„Но могу помочь я горю.
„Отъ того бѣда твоя,
„Что не слушался меня:
„Помнишь, ѣхавъ въ градъ-столицу,
„Ты нашелъ перо Жаръ-птицы;

„Я сказалъ тебѣ тогда:
„Не бери, Иванъ, — бѣда!
„Много, много непокою
„Принесетъ оно съ собою.
„Вотъ теперя ты узналъ —
„Правду ль я тебѣ сказалъ.
„Но — сказать тебѣ по дружбѣ —
„Эта службишка — не служба;
„Служба вся, братъ, впереди.
„Ты къ царю теперь поди
„И скажи ему открыто:
„Надо, царь, мнѣ два корыта
„Бѣлояраго пшена,
„Да заморскаго вина.
„Да вели поторопиться:
„Завтра, только зазорится,
„Мы отправимся въ походъ".

* * *

Вотъ Иванъ къ царю идетъ,
Говоритъ ему открыто:
„Надо, царь, мнѣ два корыта
„Бѣлояраго пшена,
„Да заморскаго вина.

„Да вели поторопиться:
„Завтра, только зазорится,
„Мы отправимся въ походъ.“
Царь тотчасъ приказъ даетъ:
Чтобъ посыльные дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцомъ его назвалъ
И „счастливый путь!“ сказалъ.

* * *

На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ Конекъ Ивана:
„Гей, хозяинъ! полно спать!
„Время дѣло исправлять!“
Вотъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дорожку собирался,
Взялъ корыто и пшено,
И заморское вино;
Потеплѣе пріодѣлся,
На Конькѣ своемъ усѣлся,
Вынулъ хлѣба ломотокъ
И поѣхалъ на востокъ —
Доставать тое Жаръ-птицу.

* * *

Ѣдутъ цѣлую седмицу;
Напослѣдокъ въ день осьмой
Прiѣзжаютъ въ лѣсъ густой.
Тутъ сказалъ Конекъ Ивану:
„Ты увидишь здѣсь поляну;
„На полянѣ той гора
„Вся изъ чистаго сребра;
„Вотъ сюда-то до зарницы
„Прилетаютъ Жары-птицы
„Изъ ручья воды испить;
„Тутъ и будемъ ихъ ловить".
И, окончивъ рѣчь къ Ивану,
Выбѣгаетъ на поляну.
Что за поле! зелень тутъ,
Словно камень изумрудъ,
Вѣтерокъ надъ нею вѣетъ,
Такъ вотъ искорки и сѣетъ;
А по зелени цвѣты
Несказанной красоты.
А на той ли на полянѣ,
Словно валъ на океанѣ,
Возвышалася гора
Вся изъ чистаго сребра.

Солнце лѣтними лучами
Краситъ всю ее зорями,
Въ сгибахъ золотомъ бѣжитъ,
На верхахъ свѣчой горитъ.

* * *

Вотъ Конекъ по косогору
Поднялся на эту гору,
Сажень триста пробѣжалъ,
Устоялся и сказалъ:
„Скоро ночь, Иванъ, начнется,
„И тебѣ стеречь придется.
„Ну, въ корыто лей вино
„И съ виномъ мѣшай пшено.
„А, чтобъ быть тебѣ закрыту,
„Ты подъ то подлѣзь корыто;
„Втихомолку примѣчай,
„Да, смотри же, не зѣвай.
„До восхода, слышь, зарницы
„Прилетятъ сюда Жаръ-птицы
„И начнутъ пшено клевать,
„Да по-своему кричать.
„Ту, которая поближе,

„Вдругъ схвати за хвостъ; смотри же!
„А поймаешь Птицу-жаръ,
„И кричи на весь базаръ;
„Я тотчасъ къ тебѣ явлюся.“
— „Ну, а если обожгуся?“
Говоритъ Коньку Иванъ,
Разстилая свой кафтанъ.
„Рукавички взять придется;
„Чай, плутовка больно жгется“.
Тутъ Конекъ изъ глазъ исчезъ,
А Иванъ, кряхтя, подлѣзъ
Подъ дубовое корыто
И лежитъ тамъ, какъ убитый.

* * *

Вотъ полночною порой
Свѣтъ разлился надъ горой,
Будто полдни наступаютъ:
Жары-птицы налетаютъ;
Стали бѣгать и кричать,
И пшено съ виномъ клевать.
Нашъ Иванъ, отъ нихъ закрытый,
Смотритъ птицъ изъ-подъ корыта

И толкуетъ самъ съ собой,
Разводя одной рукой:
„Тьфу ты, дьявольская сила!
„Экъ ихъ, дряни, привалило;
„Чай, ихъ тутъ десятковъ съ пять.
„Кабы всѣхъ переимать,
„То-то было бы поживы!
„Неча молвить, страхъ красивы:
„Ножки красныя у всѣхъ,
„А хвосты-то — сущій смѣхъ!
„Чай, такихъ у курицъ нѣту;
„А ужъ сколько, парень, свѣту,
„Словно батюшкина печь!“
И, скончавъ такую рѣчь
Самъ съ собою подъ лазейкой,
Нашъ Иванъ ужомъ да змѣйкой
Ко пшену съ виномъ подползъ —
Хвать одну изъ птицъ за хвостъ.
„Ой! Конечекъ-Горбуночекъ!
„Прибѣгай скорѣй, дружочекъ!
„Я вѣдь птицу-то поймалъ“.
Такъ Иванъ-дуракъ кричалъ.
Горбунокъ тотчасъ явился.

— „Это, слышь ты, не пожаръ,
Это свѣтъ отъ Птицы-Жаръ“

„Ай, хозяинъ, отличился!“
Говоритъ ему Конекъ,
„Ну, скорѣй ее въ мѣшокъ!
„Да завязывай тужѣе,
„А мѣшокъ привѣсь на шею;
„Надо намъ въ обратный путь“.
— „Нѣтъ, дай птицъ-то мнѣ пугнуть!“
Говоритъ Иванъ: „Смотри-ка,
„Вишь, надсѣлися отъ крика!
И, схвативши свой мѣшокъ,
Хлещетъ вдоль и поперекъ.
Яркимъ пламенемъ сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кругомъ огненнымъ свилась
И за тучи понеслась.
А Иванъ нашъ вслѣдъ за ними
Рукавицами своими
Такъ и машетъ, и кричитъ,
Словно щелокомъ облитъ.
Птицы въ тучахъ потерялись.
Наши путники собрались,
Уложили царскій кладъ
И вернулися назадъ.

Вотъ пріѣхали въ столицу.
„Что, досталъ ли ты Жаръ-птицу?“
Царь Ивану говоритъ,
Самъ на спальника глядитъ.
Тотъ со злобы, иль отъ скуки,
Искусалъ себѣ всѣ руки.
„Разумѣется, досталъ“,
Нашъ Иванъ царю сказалъ.
„Гдѣ жъ она?“ — „Постой немножко,
„Прикажи сперва окошки
„Въ почивальнѣ затворить,
„Чтобы темень сотворить.
Тутъ дворяна побѣжали
И окошки затворяли . . .
Вотъ Иванъ мѣшокъ на столъ.
„Ну-ка, бабушка, пошелъ!“
Свѣтъ такой тутъ вдругъ разлился,
Что весь людъ рукой закрылся;
Царь кричитъ на весь базаръ:
„Ахти, батюшки, пожаръ!
„Эй, рѣшеточныхъ сзывайте!
„Заливайте! Заливайте!“
— „Это, слышь ты, не пожаръ,

„Это свѣтъ отъ Птицы-жаръ“,
Молвилъ ловчій (самъ со смѣху
Надрывается): „Потѣху
„Я привезъ те, осударь!“
Говоритъ Ивану царь:
„Вотъ люблю дружка-Ванюшу!
„Взвеселилъ мою ты душу,
„И, на радости такой,
„Будь же царскій стремянной!“

* * *

Это видя, хитрый спальникъ,
Прежній конюшихъ начальникъ,
Говоритъ себѣ подъ носъ:
„Нѣтъ, постой, молокососъ!
„Не всегда тебѣ случится
„Такъ канальски отличиться.
„Я те снова подведу,
„Мой дружочекъ, подъ бѣду!“

* * *

Черезъ три потомъ недѣли,
Вечеркомъ однимъ сидѣли
Въ царской кухнѣ повара

И служители двора;
Попивали медъ изъ жбана
Да читали Еруслана.
„Эхъ!“ одинъ слуга сказалъ,
„Какъ сегодня я досталъ
„Отъ сосѣда чудо-книжку.
„Въ ней страницъ не такъ, чтобъ
слишкомъ,
„Да и сказокъ только пять;
„А ужъ сказки, вамъ сказать,
„Такъ не можно надивиться“.
Тутъ всѣ въ голосъ: „Удружи!“
„Разскажи, братъ, разскажи!“
— „Ну, какую же хотите?
„Пять вѣдь сказокъ; вотъ смотрите:
„Перва сказка *о Бобрѣ,*
„А вторая *о Царѣ;*
„Третья... дай Богъ память... точно
„О бояринѣ Восточной;
„Вотъ въ четвертой *Князь Бобыль;*
„Въ пятой... въ пятой... эхъ, забылъ!
„Въ пятой сказкѣ говорится...
„Такъ въ умѣ вотъ и вертится...“

— „Ну, да брось ее! — Постой?
„О красоткѣ что ль какой?“
— „Точно, въ пятой говорится
„О прекрасной Царь-дѣвицѣ.
„Ну, которую жъ, друзья,
„Разскажу сегодня я?“
— „Царь-дѣвицу!“ всѣ кричали:
„О царяхъ ужъ мы слыхали,
„Намъ красотокъ-то скорѣй!
„Это слушать веселѣй!“
И слуга, усѣвшись важно,
Сталъ разсказывать протяжно:

* * *

„У далекихъ нѣмскихъ странъ
„Есть, ребята, океанъ;
„По тому ли океану
„Ѣздятъ только басурманы;
„Съ православной же земли
„Не бывали николи
„Ни дворяне, ни міряне
„На поганомъ океанѣ.
„Отъ гостей же слухъ идетъ,

„Что дѣвица тамъ живетъ:
„Но дѣвица не простая, —
„Дочь, вишь, мѣсяцу родная,
„Да и солнышко ей братъ.
„Та дѣвица, говорятъ,
„Ѣздитъ въ красномъ полушубкѣ,
„Въ золотой, ребята, шлюпкѣ,
„И серебрянымъ весломъ
„Самолично правитъ въ немъ;
„Разны пѣсни попѣваетъ
„И на гуслицахъ играетъ...“

* * *

Спальникъ тутъ съ полатей скокъ,
Не щадя боярскихъ ногъ,
Во дворецъ къ царю пустился
И какъ разъ къ нему явился,
Стукнулъ крѣпко объ полъ лбомъ
И запѣлъ царю потомъ:
„Я съ повинной головою,
„Царь, явился предъ тобою,
„Не вели меня казнить,

„Прикажи мнѣ говорить!“
—„Говори, да правду только,
„И не ври, смотри, нисколько!“
Царь съ кровати закричалъ.
Хитрый спальникъ отвѣчалъ:
„Мы сегодня въ кухнѣ были,
„За твое здоровье пили.
„А одинъ изъ дворскихъ слугъ
„Насъ забавилъ сказкой вслухъ.
„Въ этой сказкѣ говорится
„О прекрасной Царь-дѣвицѣ.
„Вотъ твой царскій стремянной
„Поклялся твоей брадой,
„Что онъ знаетъ эту птицу, —
„Такъ онъ назвалъ Царь-дѣвицу, —
„И ее, изволишь знать,
„Похваляется достать“.
Спальникъ стукнулъ объ полъ снова.
„Гей, позвать мнѣ стремянного!“
Царь посыльнымъ закричалъ.
Спальникъ самъ за печку сталъ;
А посыльные дворяна
Побѣжали по Ивана,

Въ крѣпкомъ снѣ его нашли
И въ рубашкѣ привели.

* * *

Царь такъ началъ рѣчь: „Послушай,
„На тебя доносъ, Ванюша.
„Говорятъ, что вотъ сейчасъ
„Похвалялся ты для насъ
„Отыскать другую птицу, —
„Сирѣчь молвить, Царь-дѣвицу...“
— „Что ты, что ты, Богъ съ тобой!“
Началъ царскій стремянной:
„Чай, съ просонокъ, я толкую,
„Шутку выкинулъ такую!
„Да хитри себѣ, какъ хошь,
„А меня не проведешь“.
Царь, затрясши бородою:
„Что, рядиться мнѣ съ тобою?“
Закричалъ онъ: „Ну, смотри,
„Если ты недѣли въ три
„Не достанешь Царь-дѣвицу
„Въ нашу царскую свѣтлицу,
„То, клянуся бородой,

„Ты расплатишься со мной:
„На правежъ . . въ рѣшетку . . на колъ!
„Вонъ, холопъ!“ — Иванъ заплакалъ
И пошелъ на сѣновалъ,
Гдѣ Конекъ его лежалъ.

* * *

„Что, Иванушка, невеселъ,
„Что головушку повѣсилъ?“
Говоритъ ему конекъ:
„Аль, мой милый, занемогъ?
„Аль попался къ лиходѣю?“
Палъ Иванъ Коньку на шею,
Обнималъ и цѣловалъ.
„Охъ, бѣда, Конекъ!“ сказалъ:
„Царь велитъ въ свою свѣтлицу
„Мнѣ достать, слышь, Царь-дѣвицу.
„Что мнѣ дѣлать, Горбунокъ?“
Говоритъ ему Конекъ:
„Велика бѣда, не спорю,
„Но могу помочь я горю.
„Отъ того бѣда твоя,
„Что не слушался меня.

„Но—сказать тебѣ по дружбѣ—
„Это службишка, не служба:
„Служба все, братъ, впереди!
„Ты къ царю теперь поди
„И скажи: „Вѣдь для поимки
„Надо, царь, мнѣ двѣ ширинки,
„Шитый золотомъ шатеръ,
„Да обѣденный приборъ —
„Весь заморскаго варенья —
„И сластей для прохлажденья“.

* * *

Вотъ Иванъ къ царю идетъ
И такую рѣчь ведетъ:
„Для царевниной поимки
„Надо, царь, мнѣ двѣ ширинки,
„Шитый золотомъ шатеръ,
„Да обѣденный приборъ —
„Весь заморскаго варенья —
„И сластей для прохлажденья“.
— „Вотъ давно бы такъ, чѣмъ, нѣтъ“!
Царь съ кровати далъ отвѣтъ
И велѣлъ, чтобы дворяна

Все сыскали для Ивана;
Молодцомъ его назвалъ
И „счастливый путь!“ сказалъ.

* * *

На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ Конекъ Ивана:
„Гей, хозяинъ,полно спать!
„Время дѣло исправлять!“
Вотъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дорожку собирался,
Взялъ ширинки и шатеръ,
Да обѣденный приборъ —
Весь заморскаго варенья —
И сластей для прохлажденья;
Все въ мѣшокъ дорожный склалъ
И веревкой завязалъ;
Потеплѣе пріодѣлся,
На Конькѣ своемъ усѣлся,
Вынулъ хлѣба ломотокъ
И поѣхалъ на востокъ,
По тое ли Царь-дѣвицу.

* * *

Ѣдутъ цѣлую седмицу:
Напослѣдокъ, въ день осьмой,
Пріѣзжаютъ въ лѣсъ густой.
Тутъ сказалъ Конекъ Ивану:
„Вотъ дорога къ океану,
„И на немъ-то круглый годъ
„Та красавица живетъ;
„Два раза она лишь сходитъ
„Съ океана и приводитъ
„Долгій день на землю къ намъ . . .
„Вотъ увидишь завтра самъ.“
И, окончивъ рѣчь къ Ивану,
Выбѣгаетъ къ океану,
На которомъ бѣлый валъ
Одинешенекъ гулялъ.
Тутъ Иванъ съ Конька слѣзаетъ,
А Конекъ ему вѣщаетъ:
„Ну, раскидывай шатеръ,
„На ширинки ставь приборъ
„Изъ заморскаго варенья
„И сластей для прохлажденья.
„Самъ ложися за шатромъ,
„Да смекай себѣ умомъ.

„Видишь, шлюпка вонъ мелькаетъ . . .
„То царевна подплываетъ.
„Пусть въ шатеръ она войдетъ,
„Пусть покушаетъ, попьетъ;
„Ты тотчасъ въ шатеръ вбѣгай,
„Ту царевну сохватай
„И держи ее сильнѣе,
„Да зови меня скорѣе.
„Я на первый твой приказъ
„Прибѣгу къ тебѣ какъ разъ;
„И поѣдемъ . . . Да смотри же,
„Ты гляди за ней поближе;
„Если жъ ты ее проспишь,
„Такъ бѣды не избѣжишь.“
Тутъ Конекъ изъ глазъ сокрылся;
За шатеръ Иванъ забился
И давай дыру вертѣть,
Чтобъ царевну подсмотрѣть.

* * *

Ясный полдень наступаетъ;
Царь-дѣвица подплываетъ,

Входитъ съ гуслями въ шатеръ
И садится за приборъ.
„Хм! такъ вотъ та Царь-дѣвица!
„Какъ же въ сказкахъ говорится
(Разсуждаетъ стремянной),
„Что красна, красна собой
„Царь-дѣвица такъ, что диво?
„Эта вовсе не красива:
„И блѣдна-то, и тонка,
„Чай, въ обхватъ-то три вершка.
„А ножонка-то, ножонка!
„Тьфу ты, словно у цыпленка!
„Пусть полюбится кому,
„Я и даромъ не возьму.“
Тутъ царевна заиграла
И столь сладко припѣвала,
Что Иванъ, не знаю какъ,
Прикорнулся на кулакъ
И подъ голосъ тихій, стройный,
Засыпаетъ преспокойно.
Западъ тихо догоралъ...
Вдругъ Конекъ надъ нимъ заржалъ
И, толкнувъ его копытомъ,

Крикнулъ голосомъ сердитымъ:
„Спи, любезный, до звѣзды!
„Высыпай себѣ бѣды!
„Не меня вѣдь вздернутъ на колъ!“
Тутъ Иванушка заплакалъ
И, рыдаючи, просилъ,
Чтобъ Конекъ его простилъ:
„Отпусти вину Ивану,
„Я впередъ ужъ спать не стану.“
— „Ну, ужъ Богъ тебя проститъ“,
Горбунокъ ему кричитъ:
„Все поправимъ, можетъ статься,
„Только, чуръ, не засыпаться;
„Завтра, рано поутру,
„Къ златошвейному шатру
„Приплыветъ опять дѣвица
„Меду сладкаго напиться;
„Если жъ снова ты заснешь,
„Головы ужъ не снесешь.“
Тутъ Конекъ опять сокрылся;
А Иванъ сбирать пустился
Острыхъ камней и гвоздей
Отъ разбитыхъ кораблей,

Для того, чтобъ уколоться,
Если вновь ему вздремнется.

* * *

На другой день поутру
Къ златошвейному шатру
Царь-дѣвица подплываетъ;
Шлюпку на берегъ бросаетъ,
Входитъ съ гуслями въ шатеръ
И садится за приборъ . . .
Вотъ царевна заиграла
И столь сладко припѣвала,
Что Иванушкѣ опять
Захотѣлося поспать.
„Нѣтъ, постой же ты, дрянная!“
Говоритъ Иванъ, вставая:
„Ты въ другорядь не уйдешь
„И меня не проведешь.“
Тутъ въ шатеръ Иванъ вбѣгаетъ,
Косу длинную хватаетъ . . .
„Ой! бѣги, Конекъ, бѣги!
„Горбунокъ мой, помоги!“
Вмигъ Конекъ къ нему явился:

— „Хмъ! такъ вотъ та Царь-Дѣвица!“
(Разсуждаетъ стремянной.)

„Ай, хозяинъ, отличился!
„Ну, садись же поскорѣй,
„Да держи ее плотнѣй!“

* * *

Вотъ столицы достигаютъ...
Царь къ царевнѣ выбѣгаетъ,
Руки бѣлыя беретъ,
Во дворецъ ее ведетъ,
Проситъ сѣсть за столъ дубовый
И подъ занавѣсъ шелковый;
Въ глазки съ нѣжностью глядитъ,
Сладки рѣчи говоритъ:
„Безподобная дѣвица!..
„Согласися быть царицей.
„Я тебя едва узрѣлъ,
„Сильно страстью воскипѣлъ.
„Соколины твои очи
„Не дадутъ мнѣ спать средь ночи,
„И во время бѣла дня,
„Охъ, измучаютъ меня.
„Молви ласковое слово!
„Все для свадьбы ужъ готово:

„Завтра жъ утромъ, свѣтикъ мой,
„Обвѣнчаемся съ тобой
„И начнемъ жить припѣвая.“
А царевна молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась отъ царя.
Царь нисколько не сердился,
Но сильнѣй еще влюбился;
На колѣнь предъ нею всталъ,
Ручки нѣжно пожималъ
И балясы началъ снова:
„Молви ласковое слово!
„Чѣмъ тебя я огорчилъ?
„Али тѣмъ, что полюбилъ?“
— „О, судьба моя плачевна!“
Говоритъ ему царевна:
„Если хочешь взять меня,
„То достань ты мнѣ въ три дня
„Перстень мой изъ океана.“
— „Гей! позвать ко мнѣ Ивана!“
Царь поспѣшно закричалъ
И чуть самъ не побѣжалъ.

* * *

Вотъ Иванъ къ царю явился.
Царь къ нему оборотился
И сказалъ ему: „Иванъ!
„Поѣзжай на океанъ;
„Въ океанѣ въ томъ хранится
„Перстенечекъ Царь-дѣвицы.
„Коль достанешь мнѣ его,
„Задарю тебя всего.“
— „Я и съ первой-то дороги
„Волочу насилу ноги;
„Ты опять — на океанъ!“
Говоритъ царю Иванъ.
„Какъ же, плутъ, не торопиться?
„Видишь, я хочу жениться!“
Царь со гнѣвомъ закричалъ
И ногами застучалъ:
„У меня не отпирайся,
„А скорѣе отправляйся!“
Тутъ Иванъ хотѣлъ идти.
„Эй, послушай! по пути“,
Говоритъ ему дѣвица:
„Заѣзжай ты поклониться
„Въ изумрудный теремъ мой,

„Да скажи моей родной:
„Дочь ея узнать желаетъ,
„Для чего она скрываетъ
„По три ночи, по три дня,
„Ликъ свой ясный отъ меня?
„И зачѣмъ мой братецъ красный
„Завернулся въ műракъ ненастный
„И въ туманной вышинѣ
„Не пошлетъ луча ко мнѣ?
„Не забудь же!“ — „Помнить буду,
„Если только не забуду;
„Да вѣдь надо же узнать,
„Кто те братецъ, кто те мать?
„Чтобъ въ роднѣ-то намъ не сбиться.“
Говоритъ ему дѣвица:
„Мѣсяцъ — мать мнѣ, солнце — братъ.“
— „Да смотри, въ три дня назадъ!“
Царь-женихъ къ тому прибавилъ.
Тутъ Иванъ царя оставилъ
И пошелъ на сѣновалъ,
Гдѣ Конекъ его лежалъ.

* * *

„Что, Иванушка, невеселъ?
„Что головушку повѣсилъ?“
Говоритъ ему Конекъ.
„Помоги мнѣ, Горбунокъ!
„Видишь, вздумалъ царь жениться
„На заморской Царь-дѣвицѣ,
„Такъ и шлетъ на океанъ“,
Говоритъ Коньку Иванъ:
„Далъ мнѣ сроку три дня только.
„Тутъ попробовать изволь-ка
„Перстень дьявольскій достать!
„Да велѣла заѣзжать
„Эта тонкая дѣвица
„Гдѣ-то въ теремъ — поклониться
„Солнцу, мѣсяцу; притомъ
„И спрошать кое объ чемъ.“
Тутъ Конекъ: „Сказать по дружбѣ,
„Это службишка — не служба;
„Служба все, братъ, впереди!
„Ты теперя спать поди;
„А на завтра, утромъ рано,
„Мы поѣдемъ къ океану.“
На другой день нашъ Иванъ,

Взявъ три луковки въ карманъ,
Потеплѣе пріодѣлся,
На Конькѣ своемъ усѣлся
И поѣхалъ въ дальній путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!

ЧАСТЬ III.

Тра-ра-ра ли, тра-ра-ра,
Вышли кони со двора:
Вотъ крестьяне ихъ поймали,
Да покрѣпче привязали . . .
Сидитъ воронъ на дубу,
Онъ играетъ во трубу;
Какъ во трубушку играетъ,
Православныхъ потѣшаетъ:
„Эй! послушай, людъ честной!
„Жили-были мужъ съ женой!

„Мужъ-то примется за шутки,
„А жена за прибаутки,
„И пойдетъ у нихъ тутъ пиръ,
„Что на весь крещеный міръ!“
Это присказка ведется,
Сказка вскорѣ же начнется.
Какъ у нашихъ у воротъ
Муха пѣсенку поетъ:
„Что дадите мнѣ за вѣстку?
„Бьетъ свекровь свою невѣстку,
„Посадила на шестокъ,
„Привязала за шнурокъ,
„Ручки къ ножкамъ притянула,
„Ножку правую разула:
„Не ходи ты по зорямъ!
„Не кажися молодцамъ!..“
Это присказка велася,
Вотъ и сказка началася:

* * *

Ну-съ, такъ ѣдетъ нашъ Иванъ
За кольцомъ на океанъ.
Горбунокъ летитъ, какъ вѣтеръ,

*— „Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ.
Я — Иванушка Петровичъ.“*

И, въ починъ, на первый вечеръ
Верстъ сто тысячъ отмахалъ
И нигдѣ не отдыхалъ.

* * *

Подъѣзжая къ океану,
Говоритъ Конекъ Ивану:
„Ну, Иванушка, смотри:
„Вотъ минутки черезъ три
„Мы прiѣдемъ на поляну,
„Прямо къ морю-океану;
„Поперекъ его лежитъ
„Чудо-юдо рыба-китъ;
„Десять лѣтъ ужъ онъ страдаетъ,
„А доселева не знаетъ,
„Чѣмъ прощенье получить.
„Онъ учнетъ тебя просить,
„Чтобъ ты въ солнцевомъ селеньѣ
„Испросилъ ему прощенье;
„Ты исполнить обѣщай,
„Да, смотри жъ, не забывай!“

* * *

Вотъ въѣзжаютъ на поляну,
Прямо къ морю-океану;
Поперекъ его лежитъ
Чудо-юдо рыба-китъ.
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ ребра вбиты,
На хвостѣ сыръ-боръ шумитъ,
На спинѣ село стоитъ,
Мужики на губѣ пашутъ,
Между глазъ мальчишки пляшутъ,
А въ дубравѣ межъ усовъ
Ищутъ дѣвушки грибовъ.

* * *

Вотъ Конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ проѣзжимъ говоритъ,
Ротъ широкій отворяя,
Тяжко-горько воздыхая:
„Путь-дорога, господа!

„Вы откуда и куда?“
— „Мы послы отъ Царь-дѣвицы,
„Ѣдемъ оба изъ столицы“,
Говоритъ киту Конекъ,
„Къ солнцу прямо на востокъ,
„Во хоромы золотыя . . .“
— „Такъ нельзя-ль, отцы родные,
„Вамъ у солнышка спросить:
„Долго ль мнѣ въ опалѣ быть
„И за кои прегрѣшенья
„Я терплю бѣды-мученья?“
— „Ладно, ладно, рыба-китъ!“
Нашъ Иванъ ему кричитъ.
— „Будь отецъ мнѣ милосердный,
„Вишь, какъ мучуся я, бѣдный,
„Десять лѣтъ ужъ тутъ лежу . . .
„Я и самъ те услужу! . .“
Китъ Ивана умоляетъ,
Самъ же горько воздыхаетъ.
„Ладно, ладно, рыба-китъ!“
Нашъ Иванъ ему кричитъ.
Тутъ Конекъ подъ нимъ забился,
Прыгъ на берегъ и пустился:

Только видно, какъ песокъ
Вьется вихоремъ у ногъ.

* * *

Ѣдутъ близко ли, далеко,
Ѣдутъ низко ли, высоко,
И увидѣли ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дѣло мѣшкотно творится.
Только, братцы, я узналъ,
Что Конекъ туда вбѣжалъ,
Гдѣ (я слышалъ стороною)
Небо сходится съ землею,
Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,
Прялки на небо кладутъ.

* * *

Тутъ Иванъ съ землей простился
И на небѣ очутился,
И поѣхалъ, будто князь,
Шапка на бокъ, подбодрясь.

„Эко диво! эко диво!
„Наше царство хоть красиво“,
Говоритъ Коньку Иванъ
Средь лазоревыхъ полянъ,
„А какъ съ небомъ-то сравнится,
„Такъ подъ стельку не годится;
„Что земля-то?. . вѣдь она
„И черна-то и грязна;
„Здѣсь земля-то голубая,
„А ужъ свѣтлая какая! . .
„Посмотри-ка, Горбунокъ,
„Видишь, вонъ-гдѣ, на востокъ,
„Словно свѣтится зарница . . .
„Чай, небесная свѣтлица . . .
„Что-то больно высока?“
Такъ спросилъ Иванъ Конька.
— „Это теремъ Царь-дѣвицы,
„Нашей будущей царицы!“
Горбунокъ ему кричитъ:
„По ночамъ здѣсь солнце спитъ,
„А полуденной порою
„Мѣсяцъ входитъ для покою.“

* * *

Подъѣзжаютъ; у воротъ
Изъ столбовъ хрустальный сводъ,
Всѣ столбы тѣ завитые
Хитро въ змѣйки золотыя;
На верхушкахъ три звѣзды,
Вокругъ терема сады;
На серебряныхъ тамъ вѣткахъ,
Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ
Птицы райскія живутъ,
Пѣсни царскія поютъ.
А вѣдь теремъ съ теремами,
Будто городъ съ деревнями,
А на теремѣ изъ звѣздъ —
Православный русскій крестъ.

* * *

Вотъ Конекъ во дворъ вбѣгаетъ;
Нашъ Иванъ съ него слѣзаетъ;
Въ теремъ къ мѣсяцу идетъ
И такую рѣчь ведетъ:
„Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ!
„Я — Иванушка Петровичъ,
„Изъ далекихъ я сторонъ

„И привезъ тебѣ поклонъ.“
— „Сядь, Иванушка Петровичъ!“
Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ,
„И повѣдай мнѣ вину
„Въ нашу свѣтлую страну
„Твоего съ земли прихода;
„Изъ какого ты народа,
„Какъ попалъ ты въ этотъ край?
„Все скажи мнѣ, не утай.“
— „Я съ земли пришелъ Землянской,
„Изъ страны, слышь, Христіанской,“
Говоритъ, садясь, Иванъ:
„Переѣхалъ океанъ
„Съ порученьемъ Царь-дѣвицы —
„Въ свѣтлый теремъ поклониться
„И сказать вотъ такъ: „Постой!“
„Да скажи моей родной:
„Дочь ея узнать желаетъ,
„Для чего она скрываетъ
„По три ночи, по три дня
„Ликъ какой-то отъ меня?
„И зачѣмъ мой братецъ красный
„Завернулся въ мракъ ненастный

„И въ туманной вышинѣ
„Не пошлетъ луча ко мнѣ?“
„Такъ, кажися... Мастерица
„Говорить красно дѣвица;
„Не припомнишь все сполна,
„Что сказала мнѣ она.“
— „А какая та дѣвица?“
— „Это, знаешь, Царь-дѣвица“
— „Царь-дѣвица?.. Такъ она
„Что ль тобой увезена?“
Вскликнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ.
А Иванушка Петровичъ
Говоритъ: „Извѣстно, мной!
„Вишь, я царскій стремянной;
„Ну, такъ царь меня отправилъ,
„Чтобы я ее доставилъ
„Въ три недѣли во дворецъ,
„А не то меня отецъ
„Посадить грозился на колъ.“
Мѣсяцъ съ радости заплакалъ,
Ну Ивана обнимать,
Цѣловать и миловать.
„Ахъ, Иванушка Петровичъ!“

„Началъ море волновать
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями
Съ парусами и гребцами.“

Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ,
,,Ты принесъ такую вѣсть,
,,Что не знаю, чѣмъ и счесть!
,,А ужъ какъ мы горевали,
,,Что царевну потеряли . . .
,,Оттого-то, видишь, я
,,По три ночи, по три дня
,,Въ темномъ облакѣ ходила,
,,Все грустила да грустила,
,,Трое сутокъ не спала,
,,Крошки хлѣба не брала;
,,Оттого-то сынъ мой красный
,,Завернулся въ мракъ ненастный,
,,Лучъ свой жаркій погасилъ,
,,Міру Божью не свѣтилъ;
,,Все грустилъ, вишь, по сестрицѣ,
,,Той ли красной Царь-дѣвицѣ.
,,Что, здорова ли она?
,,Не грустна ли, не больна?"
— ,,Всѣмъ бы, кажется, красотка,
,,Да у ней, кажись, сухотка,
,,Ну, какъ спичка, слышь, тонка,
,,Чай, въ обхватъ-то три вершка;

„Вотъ какъ замужъ-то поспѣетъ,
„Такъ небось и потолстѣетъ;
„Царь, слышь, женится на ней“.
Мѣсяцъ вскликнулъ: „Ахъ, злодѣй!
„Вздумалъ въ семьдесятъ жениться
„На молоденькой дѣвицѣ!
„Да, стою я крѣпко въ томъ,
„Просидитъ онъ женихомъ!
„Вишь, что старый хрѣнъ затѣялъ:
„Хочетъ жать тамъ, гдѣ не сѣялъ!
„Полно, лакомъ больно сталъ!“
Тутъ Иванъ опять сказалъ:
„Есть еще къ тебѣ прошенье, —
„То о китовомъ прощеньѣ...
„Есть, вишь, море; чудо-китъ
„Поперекъ его лежитъ;
„Всѣ бока его изрыты,
„Частоколы въ ребра вбиты...
„Онъ, бѣднякъ, меня просилъ,
„Чтобы я тебя спросилъ:
„Скоро ль кончится мученье?
„Чѣмъ сыскать ему прощенье?
„И за что онъ тутъ лежитъ?“

Мѣсяцъ ясный говоритъ:
„Онъ за то несетъ мученье,
„Что́, безъ Божія велѣнья,
„Проглотилъ среди морей
„Три десятка кораблей.
„Если дастъ онъ имъ свободу,
„Сниметъ Богъ съ него невзгоду,
„Вмигъ всѣ раны заживитъ,
„Долгимъ вѣкомъ наградитъ.“

* * *

Тутъ Иванушка поднялся,
Съ свѣтлымъ Мѣсяцемъ прощался,
Крѣпко шею обнималъ,
Трижды въ щеки цѣловалъ.
„Ну, Иванушка Петровичъ!“
Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ,
„Благодарствую тебя
„За сынка и за себя.
„Отнеси благословенье
„Нашей дочкѣ въ утѣшенье
„И скажи моей родной:
„Мать твоя всегда съ тобой,

7*

„Полно плакать и крушиться,
„Скоро грусть твоя рѣшится, —
„И не старый, съ бородой,
„А красавецъ молодой
„Поведетъ тебя къ налою.
„Ну, прощай же! Богъ съ тобою!“
Поклонившись, какъ умѣлъ,
На Конька Иванъ тутъ сѣлъ,
Свистнулъ, будто витязь знатный,
И пустился въ путь обратный.
На другой день нашъ Иванъ
Вновь увидѣлъ океанъ.
Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ;
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ, вздохнувши, говоритъ:
„Что, отцы, мое прошенье?
„Получу-ль когда прощенье?“
— „Погоди ты, рыба-китъ!“
Тутъ Конекъ ему кричитъ.

* * *

Вотъ въ село онъ прибѣгаетъ,
Мужиковъ къ себѣ сзываетъ,

Черной гривкою трясетъ
И такую рѣчь ведетъ:
„Эй, послушайте, міряне,
„Православны христіане!
„Коль не хочетъ кто изъ васъ
„Къ водяному сѣсть въ приказъ,
„Убирайся вмигъ отсюда.
„Здѣсь тотчасъ случится чудо:
„Море сильно закипитъ,
„Повернется рыба-китъ!“
Тутъ крестьяне и міряне,
Православны христіане,
Закричали: „Быть бѣдамъ!“
И пустились по домамъ.
Всѣ телѣги собирали:
Въ нихъ, не мѣшкая, поклали
Все что было живота
И оставили кита.
Утро съ полднемъ повстрѣчалось,
А въ селѣ ужъ не осталось
Ни одной души живой,
Словно шелъ Мамой войной.

* * *

Нашъ Конекъ на хвостъ вбѣгаетъ,
Къ перьямъ близко прилегаетъ
И, что мочи есть, кричитъ:
„Чудо-юдо рыба-китъ!
„Отъ того твои мученья,
„Что, безъ Божія велѣнья,
„Проглотилъ ты средь морей
„Три десятка кораблей.
„Если дашь ты имъ свободу,
„Сниметъ Богъ съ тебя невзгоду,
„Вмигъ всѣ раны заживитъ,
„Долгимъ вѣкомъ наградитъ.“
И, окончивъ рѣчь такую,
Закусилъ узду стальную,
Понатужился и — вмигъ
На далекій берегъ прыгъ.

* * *

Чудо-китъ зашевелился,
Словно холмъ поворотился,
Началъ море волновать
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами.

* * *

Тутъ поднялся шумъ такой,
Что проснулся царь морской,
Въ пушки мѣдныя палили,
Въ трубы кованы трубили;
Бѣлый парусъ поднялся,
Флагъ на мачтѣ развился;
Попъ съ причетомъ всѣмъ служебнымъ
Пѣлъ на палубѣ молебны,
А гребцовъ веселый рядъ
Грянулъ пѣсню на подхватъ:
„Какъ по моречку, по морю,
„По широкому раздолью,
„Что по самый край земли,
„Выбѣгаютъ корабли.“

* * *

Волны моря заклубились,
Корабли изъ глазъ сокрылись,
Чудо-юдо рыба-китъ
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Ротъ широкій отворяя,
Плесомъ волны разбивая:
„Чѣмъ вамъ, други, услужить?

„Чѣмъ за службу наградить?
„Надо-ль раковинъ цвѣтистыхъ?
„Надо-ль рыбокъ золотистыхъ?
„Надо-ль крупныхъ жемчуговъ?
„Все достать для васъ готовъ!“
— „Нѣтъ, китъ-рыба, намъ въ награду
„Ничего того не надо“,
Говоритъ ему Иванъ:
„Лучше перстень намъ достань, —
„Перстень, знаешь, Царь-дѣвицы,
„Нашей будущей царицы.“
— „Ладно, ладно! для дружка
„И сережку изъ ушка!
„Отыщу я до зарницы
„Перстень красной Царь-дѣвицы.“
Китъ Ивану отвѣчалъ
И, какъ ключъ, на дно упалъ.

* * *

Вотъ онъ плесомъ ударяетъ,
Громкимъ голосомъ сзываетъ
Осетриный весь народъ
И такую рѣчь ведетъ:

„Вы достаньте до зарницы
„Перстень красной Царь-дѣвицы,
„Скрытый въ ящичкѣ на днѣ.
„Кто его доставитъ мнѣ,
„Награжу того я чиномъ,
„Будетъ думнымъ дворяниномъ.
„Если жъ строгій мой приказъ
„Не исполните... я васъ!“
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.

* * *

Черезъ нѣсколько часовъ
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
„Царь великій, не гнѣвись!
„Мы все море ужъ, кажись,
„Исходили и изрыли,
„Но и знака не открыли.
„Только ершъ одинъ у насъ
„Совершилъ бы твой приказъ:
„Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ,

„Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаетъ;
„Но его, какъ бы на зло,
„Вдругъ куда-то унесло."
— „Отыскать его въ минуту
„И послать въ мою каюту!"
Китъ сердито закричалъ
И усами закачалъ.

* * *

Осетры тутъ поклонились,
Въ земскій судъ бѣжать пустились
И велѣли въ тотъ же часъ
Отъ кита писать указъ,
Чтобъ гонцовъ скорѣй послали
И ерша того поймали.
Лещъ, услыша сей приказъ,
Именной писалъ указъ;
Сомъ (совѣтникомъ онъ звался)
Подъ указомъ подписался;
Черный ракъ указъ сложилъ
И печати приложилъ;
Двухъ дельфиновъ въ судъ призвали
И, отдавъ указъ, сказали,

Чтобъ отъ имени царя
Обѣжали всѣ моря
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забіяку,
Гдѣ бы ни было нашли,
Къ государю привели.
Тутъ дельфины поклонились
И ерша искать пустились.

* * *

Ищутъ часъ они въ моряхъ,
Ищутъ часъ они въ рѣкахъ,
Всѣ озера исходили,
Всѣ проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать
И вернулися назадъ,
Чуть не плача отъ печали!...

* * *

Вдругъ дельфины услыхали,
Гдѣ-то въ маленькомъ прудѣ
Крикъ неслыханный въ водѣ.
Въ прудъ дельфины завернули
И на дно его нырнули...
Глядь: въ прудѣ, подъ камышемъ,

Ершъ дерется съ карасемъ.
„Смирно! черти бъ васъ побрали!
„Вишь, содомъ какой подняли,
„Словно важные бойцы!“
Закричали имъ гонцы.
— „Ну, а вамъ какое дѣло?
Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло:
„Я шутить вѣдь не люблю,
„Разомъ всѣхъ переколю!“
— „Охъ ты, вѣчная гуляка,
„И крикунъ, и забіяка!
„Все бы, дрянь, тебѣ гулять,
„Все бы драться да кричать;
„Дома — нѣтъ, вѣдь, не сидится!
„Ну, да что съ тобой рядиться:
„Вотъ тебѣ заревъ указъ,
„Чтобъ ты плылъ къ нему тотчасъ.“

* * *

Тутъ проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назадъ.
Ершъ ну рваться и кричать:
„Будьте милостивы, братцы,

„Дайте чуточку подраться.
„Распроклятый тотъ карась
„Поносилъ меня вчерась
„При честномъ при всемъ собраньи
„Неподобной разной бранью“...
Долго ершъ еще кричалъ,
Наконецъ и замолчалъ;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились предъ царя.

* * *

„Что ты долго не являлся?
„Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?“
Китъ со гнѣвомъ закричалъ.
На колѣни ершъ упалъ
И, признавшись въ преступленьи,
Онъ молился о прощеньи.
„Иу, ужъ Богъ тебя проститъ!“
Китъ державный говоритъ:
„Но за то твое прощенье
„Ты исполни повелѣнье.“
— „Радъ стараться, чудо-китъ!“

На колѣнахъ ершъ пищитъ.
„Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,
Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаешь
„Царь-дѣвицы?“ — „Какъ не знать!
„Можемъ разомъ отыскать.“
— „Такъ ступай же поскорѣе,
„Да сыщи его живѣе!“

* * *

Вотъ отдавъ царю поклонъ,
Ершъ пошелъ, согнувшись, вонъ.
Съ царской дворней побранился,
За плотвой поволочился
И салакушкамъ шести
Носъ разбилъ онъ на пути.
Совершивъ такое дѣло,
Въ омутъ кинулся онъ смѣло
И въ подводной глубинѣ
Вырылъ ящикъ онъ на днѣ —
Пудъ, по крайней мѣрѣ, во сто.
„О, здѣсь дѣло-то не просто!“
И давай изъ всѣхъ морей
Ершъ скликать къ себѣ сельдей.

* * *

Сельди духомъ собралися,
Сундучокъ тащить взялися.
Только слышно и всего:
У-у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучокъ
Не дался и на вершокъ.
„Настоящія селедки!
„Вамъ кнута бы вмѣсто водки!“
Крикнулъ ершъ со всѣхъ сердцовъ
И нырнулъ подъ осетровъ.

* * *

Эти мигомъ приплываютъ
И безъ крика подымаютъ
Крѣпко ввязнувшій въ песокъ
Съ перстнемъ красный сундучокъ.
„Ну, ребятушки, смотрите,
„Прямо вы къ царю плывите,
„Я жъ пойду теперь ко дну,
„Да немножко отдохну:
„Что-то сонъ одолѣваетъ,

„Такъ глаза вотъ и смыкаетъ!“
Осетры къ царю плывутъ.
Ершъ-гуляка прямо въ прудъ
(Изъ котораго дельфины
Утащили за щетины)...
Чай, додраться съ карасемъ!
(Я не вѣдаю о томъ).
Но теперь мы съ нимъ простимся
И къ Ивану возвратимся.

* * *

Тихо море-океанъ.
На пескѣ сидитъ Иванъ,
Ждетъ кита изъ синя моря
И мурлыкаетъ отъ горя;
Повалившись на песокъ,
Дремлетъ вѣрный Горбунокъ.
Время къ вечеру клонилось;
Вотъ ужъ солнышко спустилось;
Тихимъ пламенемъ горя,
Развернулася заря,
А кита не тутъ-то было.
„Чтобъ те, вора, задавило!
„Вишь, какой морской шайтанъ!“

– *„Вотъ Иванъ къ котламъ поднялся,*
Глянулъ въ нихъ и зачесался.“

Говоритъ себѣ Иванъ:
„Обѣщался до зарницы
„Вынесть перстень Царь-дѣвицы,
„А доселѣ не сыскалъ,
„Окаянный зубоскалъ,
„А ужъ солнышко-то сѣло
„И“ . . . Тутъ море закипѣло,
Появился чудо-китъ
И Ивану говоритъ:
„За твое благодѣянье
„Я исполнилъ обѣшанье.“
Съ этимъ словомъ сундучокъ
Брякнулъ плотно на песокъ,
Только берегъ закачался.
„Ну, теперь я расквитался;
„Если жъ вновь принужусь я,
„Позови опять меня;
„Твоего благодѣянья
„Не забыть мнѣ . . . До свиданья!“
Тутъ китъ-чудо замолчалъ
И, вспленснувъ, на дно упалъ.

* * *

Горбунокъ-Конекъ проснулся,
Всталъ на ножки, отряхнулся,
На Иванушку взглянулъ
И четырежды прыгнулъ.
„Ай да, Китъ Китовичъ! славно!
„Долгъ свой выплатилъ исправно!
„Ну спасибо, рыба-китъ;“
Горбунокъ-Конекъ кричитъ.
„Что жъ, хозяинъ, одѣвайся,
„Въ путь-дорожку отправляйся:
„Три денька вѣдь ужъ прошло,
„Завтра срочное число;
„Чай, старикъ ужъ умираетъ.“
А Ванюша отвѣчаетъ:
„Радъ бы радостю поднять,
„Да вѣдь силы не занять,
„Сундучишко больно плотенъ;
„Чай, чертей въ него пять сотенъ
„Китъ проклятый насажалъ,
„Я ужъ трижды подымалъ —
„Тяжесть страшная такая!“
Горбунокъ, не отвѣчая,
Поднялъ яшичекъ ногой,

Будто камышекъ какой,
И взмахнулъ себѣ на шею.
„Ну, Иванъ, садись скорѣе!
„Помни, завтра минетъ срокъ,
„А обратный путь далекъ.“

* * *

Сталъ четвертый день зариться,
Нашъ Иванъ уже въ столицѣ.
Царь съ крыльца къ нему бѣжитъ,
„Что кольцо мое?“ кричитъ.
Тутъ Иванъ съ Конька слѣзаетъ
И преважно отвѣчаетъ:
„Вотъ тебѣ и сундучокъ:
„Да вели-ка скликать полкъ:
„Сундучишко малъ хоть на видъ,
„А и дьявола задавитъ.“
Царь тотчасъ стрѣльцовъ позвалъ
И, не медля, приказалъ
Сундучокъ отнесть въ свѣтлицу.
Самъ пошелъ по Царь-дѣвицу:
„Перстень твой, душа, найденъ“,
Сладкогласно молвилъ онъ.

„И теперь, — промолвилъ снова,
„Нѣтъ препятства никакого
„Завтра утромъ, свѣтикъ мой,
„Обвѣнчаться мнѣ съ тобой;
„Но не хочешь ли, дружочекъ,
„Свой увидѣть перстенечекъ? —
„Онъ въ дворцѣ моемъ лежитъ.“
Царь-дѣвица говоритъ:
„Знаю, знаю! Но, признаться,
„Намъ нельзя еще вѣнчаться.“
— „Отчего же, свѣтикъ мой?
„Я люблю тебя душой;
„Мнѣ, прости мою ты смѣлость,
„Страхъ жениться захотѣлось,
„Если жъ ты . . . то я умру
„Завтра жъ съ горя поутру.
„Сжалься, красная дѣвица!“
Отвѣчаетъ Царь-дѣвица:
„Но взгляни-ка, ты вѣдь сѣдъ,
„Мнѣ пятнадцать только лѣтъ;
„Какъ же можно намъ вѣнчаться?
„Всѣ цари начнутъ смѣяться.
„Дѣдъ-то, скажутъ, внучку взялъ!“

Царь со гнѣвомъ закричалъ:
„Пусть-ка только засмѣются —
„У меня какъ разъ свернутся:
„Всѣ ихъ царства полоню!
„Весь ихъ родъ искореню!“
— „Пусть не станутъ и смѣяться,
„Все нельзя же намъ вѣнчаться, —
„Не растутъ зимой цѣты;
„Я — красавица, а ты? . .
„Чѣмъ ты можешь похвалиться?“
Говоритъ ему дѣвица.
— „Я хоть старъ, да я удалъ!“
Царь царевнѣ отвѣчалъ:
„Какъ немножко приберуся,
„Хоть кому такъ покажуся
„Разудалымъ молодцомъ.
„Ну, да что намъ нужды въ томъ?
„Лишь бы только намъ жениться.“
Говоритъ ему дѣвица:
„А такая въ томъ нужда,
„Что не выйду никогда
„За дурного, за сѣдого,
„За беззубаго такого?“

Царь въ затылкѣ почесалъ
И, нахмуряся, сказалъ:
„Что же дѣлать, Царь-дѣвица?
„Страхъ какъ хочется жениться;
„Ты же ровно на бѣду:
„Не пойду, да не пойду!“
— „Не пойду я за сѣдого!“
Царь-дѣвица молвитъ снова:
„Стань, какъ прежде, молодецъ, —
„Я тотчасъ же подъ вѣнецъ.“
— „Вспомни, красная дѣвица,
„Вѣдь нельзя перродиться;
„Чудо Богъ одинъ творитъ.“
Царь-дѣвица говоритъ:
„Коль себя не пожалѣешь.
„Ты опять помолодѣшь.
„Слушай: завтра на зарѣ,
„На широкомъ на дворѣ,
„Долженъ челядь ты заставить
„Три котла большихъ поставить
„И костры подъ нихъ сложить.
„Первый надобно налить
„До краевъ водой студеной,

„А второй — водой вареной
„И послѣдній — молокомъ,
„Вскипятя его ключомъ.
„Вотъ, коль хочешь ты жениться,
„И красавцемъ учиниться, —
„Ты, безъ платья, налегкѣ
„Искупайся въ молокѣ;
„Тутъ побудь въ водѣ вареной,
„А потомъ еще въ студеной.
„И скажу тебѣ, отецъ,
„Будешь знатный молодецъ!“

* * *

Царь не вымолвилъ ни слова,
Крикнулъ тотчасъ стремянного.
„Что? — опять на океанъ?“
Говоритъ царю Иванъ:
„Нѣть, ужъ дудки, ваша милость!
„Ужъ и то во мнѣ все сбилось;
„Не поѣду ни за что!“
— „Нѣтъ, Иванушка, не то.
„Завтра я хочу заставить
„На дворѣ котлы поставить
„И костры подъ нихъ сложить.

„Первый, думаю, налить
„До краевъ водой студеной,
„А второй — водой вареной
„И послѣднiй — молокомъ,
„Вскипятя его ключомъ.
„Ты же долженъ постараться,
„Пробы ради, искупаться
„Въ этихъ трехъ большихъ котлахъ
„Въ молокѣ и двухъ водахъ.“
— „Вишь, откуда подъѣзжаетъ!“
Рѣчь Иванъ тутъ начинаетъ!
„Шпарятъ только поросятъ,
„Да индюшекъ, да цыплятъ;
„Я вѣдь, глянь, не поросенокъ,
„Не индюшка, не цыпленокъ,
„Вотъ въ холодной, такъ оно
„Искупаться бы можно,
„А подваривать какъ станешь,
„Такъ меня и не заманишь.
„Полно, царь, хитрить, мудрить
„Да Ивана проводить!“
Царь, затрясши бородою:
„Что? рядиться мнѣ съ тобою?

„Царь царицу тутъ беретъ,
Въ церковь Божію ведетъ.“

Закричалъ онъ: „Но, смотри!
„Если ты въ разсвѣтъ зари
„Не исполнишь повелѣнье,
„Я отдамъ тебя въ мученье:
„Прикажу тебя пытать,
„По кусочкамъ разрывать!
„Вонъ отсюда, болѣсть злая!"
Тутъ Иванушка, рыдая,
Поплелся на сѣновалъ,
Гдѣ Конекъ его лежалъ.

* * *

— „Что, Иванушка, невеселъ?
„Что головушку повѣсилъ?
„Говоритъ ему Конекъ:
„Чай, нашъ старый женишокъ
„Снова выкинулъ затѣю?"
Палъ Иванъ Коньку на шею,
Обнималъ и цѣловалъ.
„Охъ, бѣда, Конекъ!" — сказалъ.
„Царь въ конецъ меня сбываетъ;
„Самъ, подумай, заставляетъ
„Искупаться мнѣ въ котлахъ —

„Въ молокѣ и двухъ водахъ:
„Какъ въ одной водѣ студеной,
„А другой водѣ вареной;
„Молоко, слышь, — кипятокъ."
Говоритъ ему Конекъ:
„Вотъ ужъ служба, такъ ужъ служба!
„Тутъ нужна моя вся дружба.
„Какъ же, къ слову, не сказать:
„Лучше бъ намъ пера не брать;
„Отъ него-то, отъ злодѣя,
„Сколько бѣдъ тебѣ на шею...
„Ну, не плачь же, Богъ съ тобой!
„Сладимъ какъ-нибудь съ бѣдой.
„И скорѣе самъ я сгину,
„Чѣмъ тебя, Иванъ, покину.
„Слушай: завтра на дворѣ
„Въ тѣ поры, какъ на зарѣ
„Ты раздѣнешься, какъ должно,
„Попроси царя: „Не можно ль,
„Ваша милость, приказать
„Горбунка ко мнѣ послать,
„Чтобъ въ-послѣдни съ нимъ проститься?
„Царь на это согласится.

„Вотъ какъ я хвостомъ махну,
„Мордой въ тѣ котлы макну,
„На тебя два раза прысну,
„Громкимъ посвистомъ присвисну,
„Ты смотри же, не зѣвай:
„Въ молоко сперва ныряй,
„Тутъ въ котелъ съ водой вареной
„И оттудова въ студеный.
„А тепереча молись
„Да спокойно спать ложись.“

* * *

На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ Конекъ Ивана:
„Эй, хозяинъ, полно спать!
„Время службу исправлять.“
Нашъ Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на соборъ
И пошелъ къ царю во дворъ.

* * *

Тамъ котлы уже кипѣли;
Подлѣ нихъ рядкомъ сидѣли

Кучера и повара
И служители двора.
Дровъ усердно прибавляли,
Объ Иванѣ толковали
Втихомолку межъ собой
И смѣялися порой.

* * *

Скоро двери растворились;
Царь съ царевной появились
И готовились съ крыльца
Посмотрѣть на удальца.
„Ну, Ванюша, раздѣвайся,
„И въ котлахъ, братъ, покупайся!“
Царь Ивану закричалъ.
Тутъ Иванъ одежду снялъ,
Ничего не отвѣчая;
А царевна молодая,
Чтобъ не видѣть наготу,
Завернулася въ фату.
Вотъ Иванъ къ котламъ поднялся,
Глянулъ въ нихъ и зачесался.
„Что же ты, Ванюша, сталъ?

Царь опять ему вскричалъ:
„Исполняй-ка, братъ, что должно!“
Говоритъ Иванъ: „Не можно ль,
„Ваша милость, приказать
„Горбунка ко мнѣ послать?
„Я въ-послѣдни бъ съ нимъ простился.“
Царь подумалъ, согласился
И изволилъ приказать
Горбунка ка нему послать.
Тутъ слуга Конька приводитъ
И къ сторонкѣ самъ отходитъ.

* * *

Вотъ Конекъ хвостомъ махнулъ,
Мордой въ тѣ котлы макнулъ,
На Ивана дважды прыснулъ,
Громкимъ посвистомъ присвиснулъ.
На Конька Иванъ взглянулъ
И въ котелъ тотчасъ нырнулъ;
Тутъ въ другой, тамъ въ третiй тоже
И такой онъ сталъ пригожiй —
Что ни въ сказкѣ не сказать,
Ни перомъ не описать!

Вотъ онъ въ платье нарядился;
Царь-дѣвицѣ поклонился,
Осмотрѣлся, подбодрясь,
Съ важнымъ видомъ, будто князь.

* * *

„Эко диво!“ — всѣ кричали:
„Мы и слыхомъ не слыхали,
„Чтобы такъ похорошѣть!“

* * *

Царь велѣлъ себя раздѣть;
Два раза перекрестился . . .
Бухъ въ котелъ и... тамъ сварился!
Царь-дѣвица тутъ встаетъ,
Знакъ молчанью подаетъ,
Покрывало подымаетъ
И къ прислужникамъ вѣщаетъ:
„Царь велѣлъ вамъ долго жить:
„Я хочу царицей быть.
„Люба ль я вамъ? — отвѣчайте:
„Если люба, то признайте
„Володѣтелемъ всего

„И супруга моего!“
Тутъ царевна замолчала,
На Ивана показала...

* * *

„Люба, люба!“ — всѣ кричать.
„За тебя хоть въ самый адъ!
„Твоего ради талана
„Признаемъ царемъ Ивана.“

* * *

Царь царицу тутъ беретъ,
Въ церковь Божію ведетъ,
И съ невѣстой молодою
Онъ обходитъ вкругъ налоя.
Пушки съ крѣпости палятъ,
Въ трубы кованны трубятъ;
Всѣ подвалы отворяютъ,
Бочки съ фряжскимъ выставляютъ,
И, напившися, народъ,
Что есть мочушки, деретъ:
„Здравствуй, царь нашъ со царицей!“
„Съ распрекрасной Царь-дѣвицей!“

* * *

Во дворцѣ же пиръ горой:
Вина льются тамъ рѣкой;
За дубовыми столами
Пьютъ бояре со князьями . . .
Сердцу любо! Я тамъ былъ,
Медъ, вино и пиво пилъ;
По усамъ хотъ и бѣжало,
Въ ротъ ни капли не попало.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 056599746